

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
В 81

Время выбирать : проза «Контакта» / составитель – Калашников Н.Н. ; Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «КОНТАКТ». – Новокузнецк, 2016. – 56 с.

Время выбирать

Проза «Контакта»

Составитель – Калашников Н.Н.

Сборник прозы «Контакта» «Время выбирать» является своего рода продолжением сборника «Тропинка в лесу» (Новокузнецк, 2016). Но авторами сборника являются «контактовцы»-мужчины. Вот такое маленькое негласное соревнование. Рассказы написаны в самое разное время – и в начале 80-х годов (В.Колотвин «Встреча»), и 2016 году (С.Ерофеев «Вопросы по существу»). Большая часть рассказов уже где-то публиковалась, часть публикуется впервые. Для Владимира Краснопеева рассказ «Ришикеш» – первая публикация.

Новокузнецк
2016

Валерий КОЛОТВИН

Встреча

Размеренная спокойная жизнь – жизнь без потрясений, без существенных изменений, нарушавших её однообразное течение, – похожа на смерть. Она день за днём, час за часом убивает человеческий мозг, приучая его к бездеятельности, к лени. Потом умирают чувства, притуплённые и истощившиеся. Потом умирает душа. И это уже конец.

Но самое страшное – это то, что смерть души, в отличие от смерти тела, приходит незаметно, она подкрадывается тихонько, на цыпочках, и умирающий сам не замечает, что умирает, и нет никакой возможности его спасти. Да и сам он не хочет никакого спасения. Зачем? Зачем спасаться от любимой семьи, от хорошо оплачиваемой чистой работы, от замечательных сервисов и замечательных гарнитуров, от прекрасного хрусталя и прекрасного удобного, мягкого дивана. Как же можно спасаться от тёплого уютного дома, пусть небольшого, но своего, в одном из лучших районов города. И остается только опустить руки, отдаться течению, решить, махнув на всё рукой, что кривая вывезет, что всё как-нибудь само собой образуется. А жизнь идёт. Время проходит неумолимо, год за годом, а кривая не вывозит, само собою ничего не образуется и не устраивается, только становится всё хуже и хуже. Это как трясина. Она затягивает всё глубже и глубже. Тухлая грязь подступает к горлу, засасывает, наполняет всё твоё существо, и от неё уже никуда не деться, потому что она уже становится частью твоего существа, она от тебя уже совершенно неотделима.

Гиольмар глубоко затянулся в последний раз и, опустив стекло, бросил окурок в темноту. Маленький светлячок огонька метнулся, прочертив короткий зигзаг, и погас. Освещение в кабине Гиольмар включать не стал, и в ней теперь стоял зеленоватый полумрак – светились циферблаты на приборном щитке. В этом слабом неестественном свете всё в кабине казалось призрачным и нереальным. Гиольмар положил руки на руль и пошевелил пальцами. Это были чужие руки. Он чувствовал их и понимал, что они не могут быть чужими, и в то же время что-то внутри него отказывалось верить в то, что эти бесплотные, словно освещённые изнутри, полупрозрачные пальцы имеют к нему какое-то отношение. Он заворочался на сиденье, чтобы отогнать странное ощущение, и зачем-то включил фары. Из темноты выплыли стволы ближайших деревьев, кусочек поляны, полуголые ветви кустов. Всё остальное терялось, словно в тумане, за колышущимися занавесями мелкого, частого дождя. Гиольмар откинулся на сиденье и снова задумался.

Но допустим, что ты нашёл в себе силы вырваться из цепких лап размеренности и однообразия, допустим, что ты нашёл в себе мужество

избавиться от спокойствия и довольства, что в этом случае ты получаешь взамен. Смятение. Бесконечные поиски истины, которой, возможно, не существует. Непонимание и неприятие окружающих. Их равнодушие, их ненависть, их обидную жалость. Но самое главное – это никогда не прекращающаяся глухая тоска по неизвестно чему, вечная неудовлетворённость и не знающие покоя мысли.

Гиольмару вдруг снова отчаянно захотелось курить. Он потянулся было за сигаретой, но, вспомнив, что курил совсем недавно, понял, что просто нервничает, и сейчас же посмотрел на часы. Времени ещё оставалось много, даже слишком много. Предстояло ещё целых два часа томительного ожидания. Курить захотелось сильнее.

Надо выйти и пройтись, подумал он, подышать свежим воздухом. Хватит вариться в собственном соку.

Он приоткрыл дверцу и стал выбираться из машины. Брюки сейчас же стали влажными в мокрой траве, дождь закапал на плечи. Гиольмар распустил галстук и, скомкав, сунул его в карман, потом расстегнул верхнюю пуговицу и глубоко вздохнул. За шиворот с воротника стекла вода, холодная струйка ужом поползла между лопатками. Но во всём этом: в этой влажности, в этих холодных каплях, в этом холодном воздухе – была какая-то свежесть, которой он давно уже не испытывал. Ему вдруг стало хорошо и легко.

– Всё будет хорошо, всё будет хорошо... – несколько раз повторил он про себя, вслушиваясь в свои ощущения и с тревогой ища остатки тоски и безнадежности, – всё будет хорошо.

Он медленно пошёл в темноте, протянув перед собой руку, чтобы не наткнуться на дерево, и всё же наткнулся на толстый, мокрый, шершавый ствол. Наткнулся боком, больно ободрав щеку, но только засмеялся и двинулся дальше, на ощупь находя дорогу. Ему вдруг захотелось увидеть звёзды, и он высоко запрокинул голову, подставив лицо дождю, но звёзд, конечно, не было, да и быть не могло. Жаль, подумал он, и сам усмехнулся своему ребячеству. А хорошо бы всё-таки, если бы не было дождя и туч, а были бы звёзды и была бы не эта промозглая сырость, а была бы тёплая летняя ночь. Мы остановились бы где-нибудь на обочине и отошли от дороги. Она стала бы показывать мне звёзды и созвездия и называть их по именам и ласкать их имена губами, а я бы смотрел на неё, на её глаза и губы и на её руки и думал бы только о ней, не потому, что я не люблю звёзды, а потому, что самая яркая и красивая звезда – это она, и не надо других звёзд. Он представил себе вокзал...

...Вокзал. Большие наполненные людьми залы. Все чего-то ждут, куда-то торопятся. Кто-то спит в кресле, положив голову на ещё не просохший рюкзак. Кто-то куда-то уезжает. Кто-то кого-то провожает. Гул, шарканье ног, усталый голос репродуктора. Сонная продавщица за полупустым газетным киоском.

Потом – нависший над влажно блестящими рельсами мост. Тревожный шум поездов. Первая платформа, восьмой путь. Ожидание, ожидание,

ожидание. Нет от него никакого спасения. Лица, лица, тучи, силуэты. Всё мелькает, всё сливается, смешивается, и вот уже летит тебе навстречу многоцветный многозвучный поток, поток-вихрь. Навстречу сверху, навстречу снизу, навстречу сзади, со всех сторон. Тебе страшно тесно в этом нескончаемом потоке людей, лиц, туч, неопознанных предметов, теней. Душно, тревожно. Сердце стучит и внутри тебя, и одновременно где-то вокруг; и поток пульсирует вместе с ним в одном стремительном будоражащем ритме. И всё, что ты видишь и слышишь, независимо от рвущегося куда-то в тебе и вне тебя потока вдруг начинает корчиться и извиваться в том же бешеном ненормальном ритме, ритме твоего сердца. И начинается первобытный, дикий, древний, как жизнь, танец смерти и надежды. Танец веры и страха. На краю обрыва, на пылающих углях, на острие меча. И вдруг в какофонию брызжащих шумов врывается гудок. Ещё далёкий и чуть слышный. Но уже ясно, что это за гудок, и всё остальное, всё, кроме этого далёкого гудка, отступило куда-то прочь. Остался только он и приближающийся поезд. Твой поезд и её поезд.

Вот он уже останавливается, замедляет свой ход. Вот он уже остановился. И снова забилось сердце, и несколько раз взметнулся поток. Идут люди, их много. Разные люди: красивые и некрасивые, злые и добрые, усталые и бодрые. Шагают, бредут, семят торопливо. Не те люди. И наконец маленькая, незаметная, одинокая в толпе фигурка, единственная. Она. Она. В этом нет сомнения.

Гиольмар медленно пошёл ей навстречу, ещё боясь поверить, но уже не сомневаясь, что да, это она, пошёл, не смея поднять глаз и удостовериться в этом. А когда всё же усилием воли подавил в себе страх и взглянул перед собой, то увидел, как она, улыбаясь, идёт навстречу ему, и ощутил, какая она вся тёплая и живая, настолько живая, что слышно, как течёт кровь в тонких голубых жилках её рук.

С каждым шагом всё ближе и ближе. Всё теплее. Нежнее.

– Здравствуй, – сказал он тихо, протягивая к ней обе руки.

– Здравствуй, – сказала она и протянула свою маленькую мягкую ладошку.

На мгновение ему показалось, что её пальцы дотронулись до его обнажённого сердца. Но он сделал над собою усилие и сказал, загораясь словами от чего-то ослепительного, огромного:

– Давай чемодан. Ты, наверное, устала?

– Нет, что ты, – ответила она, безропотно отдавая чемодан. – Нисколько. Я даже хорошо выпалась. – Она улыбнулась.

Некоторое время они шли молча. Гиольмару вдруг стало казаться, что если он скажет хоть слово, то всё исчезнет, растворится, как волшебный дворец из сказки, как заколдованный замок. Что любой звук разрушит это прекрасное мгновение, и он останется один на пустой и глухой привокзальной площади.

– Что же ты молчишь? Рассказывай, как ты здесь?

– Ну, что рассказывать? – через силу сказал он. – Всё как всегда. В общем, хорошо.

Они снова замолчали оба и молчали, пока не дошли до машины, и Гиольмар, отворив дверцу, не спросил:

– Куда тебя везти?

– Домой, конечно. Мама будет беспокоиться, если я не приеду сейчас, я писала ей.

– Хорошо, – сказал он, усаживаясь за рулём.

Они и ехали также молча, как шли. Он лишь изредка оглядывался на неё и тогда чувствовал, как что-то тает внутри него, и сразу отворачивался, боясь, что закружится голова. Она смотрела в окно, продолжая чему-то улыбаться.

Попрощались они у подъезда как-то до обидного быстро, неловко. Так ничего и не сказав друг другу. Даже ни о чём не спросив. Только сейчас Гиольмар понял, как много он ждал от этой встречи и как всё неудачно и нескладно получилось. Как всегда, подумал он, и побрёл к машине, ощущая внутри неприятную пустоту.

Евгений ГРЕП

Два бала из романа «Игла богини»

Бал у мадам Гиноль

– ...И ничего не решено!

– Но ваше высочество!..

Принцесса возмущённо топнула ногой. В длинном белом платье она напоминала невесту, которой только-только исполнилось пятнадцать. Впрочем, принцесса Тамара была совершеннолетней, и, как во всякой цивилизованной стране, совершеннолетие, наступая в восемнадцать, накладывало на членов королевской семьи определённые обязательства.

– И ничего не ваше высочество!.. Я не хочу!

А не хотела принцесса на бал. Потому что подозревала во всём этом внезапное решение папы оженить её, единственную незамужнюю принцессу во всей стране. Наверняка на этом балу будет какой-нибудь банкир, маркиз или иностранный вельможа, который что-то значит с высоты папашиного пьедестала. Вот только это ничего не решало. Потому что Тамара пока замуж не собиралась.

Миссис Гронир, старая и дородная, приставленная наблюдать за принцессой, а вернее конвоировать её, была просто возмущена таким поведением. Принцесса упрячилась, даже несмотря на то, что её сумели обрядить в бальное платье и запихнуть в экипаж. Всё же стойкая борьба не прошла даром, и они опаздывали. Впрочем, что это значило для члена императорской семьи? Ровным счетом ничего.

– Ваше Высочество, мадам Гиноль будет счастлива вас видеть!..

– Я терпеть не могу оперу, мадам Гиноль и её балы. Она толстая и от её голоса у меня болят уши!

Миссис Гронир закрыла глаза в возмущении. «Сердечный приступ?» – с надеждой подумала принцесса, но тут же убедилась, что это не так.

– Ваше высочество! Да как вы можете так говорить! Слышал бы вас ваш отец!

– А он и слышал. Вчера. Всё прекрасно слышал!

– О да! Такой рёв не услышать было невозможно! Его слышали даже за пределами дворца, но, ваше высочество, вы принцесса и должны вести себя как принцесса! Вы должны выполнять волю своего отца, на благо отечества...

– Плевала я на это отечество! Я не выйду замуж ни за какого банкира!

– Ваше высочество!..

Карета подкатила к дому мадам Гиноль. Слуга соскочил с запяток и изящно отворил дверцу. Телохранители спешили и готовились следовать за принцессой.

– Ваше высочество, я надеюсь, вы будете воспитанной девушкой...

Принцесса показала миссис Гронир прелестный розовый язычок и, состроив самую мрачную мину на своем личике, проследовала в дом.

Слуга с бакенбардами открыл было рот, дабы объявить о присутствии принцессы, но вместо слов прошипел что-то невразумительное. И немудрено, ибо принцесса со всей силы наступила ему острым каблучком на ногу. Правую.

В зале уже танцевали и – слава богу. Принцесса вздохнула с облегчением и пробралась на балкон. Телохранители следовали за ней на приличном расстоянии. С балкона было удобно обозревать залу, что Тамара и сделала.

«Это барон, это граф, это князь, – отмечала она в уме, разглядывая танцующих. – Кого же из них выбрал папаша?»

– Кхм... – сказали сзади, и принцесса испуганно обернулась.

Перед ней стоял изысканный молодой человек во фраке. И фрак, и молодой человек были невероятной красоты, хоть молодой человек и рисковал через год выбраться из этого возраста.

– Разрешите представиться, – поклонился незнакомец. – Я – маркиз Жиффур, владелец одного из самых влиятельных банков в мире, иностранный подданный... Имею ли я честь видеть перед собой самую юную и прелестную из дочерей вашего блистательного императора?

«Вот и папашина цель, – смекнула принцесса, отступая к балконным перилам. – Чёрт! Ну почему этот маркиз-банкир не старый и лысый? Почему у него не толстое брюхо? И почему он такой красивый? Тогда бы было легче отказать... Ну, папа, ты ещё не знаешь, какой скандал я тебе устрою дома. Скандал с банковскими кредитами тебе покажется раем...»

– Именно её вы имеете честь лицезреть, – принцесса всё же нашла в себе силы и держалась прилично. Может, от неё в данный момент зависит начало новой войны?

– Не соблаговолит ли ваше высочество подарить один из танцев с вами моей скромной особе...

Неизвестно, нашла бы в себе силы принцесса отказать такому красавцу (а отказать она была просто должна, из принципа, ведь она боролась за права всех последующих принцесс), если бы в дело не вмешалась судьба... Принцесса забыла на перилах театральный бинокль, посредством которого осматривала залу. Отступая же, она не вспомнила о нём и совершенно случайно столкнула вниз.

«Ой, что сейчас будет!» – подумала Тамара. Насколько она помнила, прямо под её балконом троица лётчиков в импозантных чёрных мундирах накачивала себя дорогим вином с самыми мрачными физиономиями. Назревал скандал...

Ойкнув, принцесса, позабыв о маркизе, перевесилась через перила и глянула вниз. Один из лётчиков, белобрысый и симпатичный, смотрел на неё, держась за голову. «И почему он не в фуражке?» – расстроилась принцесса...

Уже подходила к концу вторая бутылка какой-то сладкой дряни, и жизнь начинала казаться не такой уж и плохой, когда на голову Анрема свалился бинокль.

«И почему я не в фуражке? – меланхолично подумал он, хватаясь за голову. – Чёртов слуга, всё рассчитал... Ну, попадись он мне». Конечно, ничего этого он не сказал, а лишь произнёс:

– Ой!..

Роби и Даби заходились от смеха. Их можно было понять, со стороны, действительно, всё выглядело смешно... В другой ситуации Анрем бы и сам смеялся.

С балкона на Анрема смотрела какая-то девушка в белом платье. «Ну, раз девушка, на дуэль вызывать не буду», – решил Анрем и отсалютовал поднятым бокалом. Отсмеявшийся Даби поднял бинокль и покачал головой.

– Анри, тебе повезло, что этот бинокль театральный, а не полевой...

Роби же сердобольно приложил к голове Анри бутылку.

– Чтобы шишки не было, – пояснил он и добавил: – У тебя крепкая голова.

Принцесса Тамара в это время быстро сообразила, что судьба подсказывает ей выход из ситуации безо всяких международных осложнений. Стремительно развернувшись к маркизу, она сказала:

– Извините меня, маркиз, к сожалению, я обещала следующий танец своему кавалеру... Видите, он на меня смотрит? – Тамара помахала лётчику рукой, чего тот, конечно же, не понял. – Прошу прощения, я должна спуститься к нему.

И оставив маркиза в растерянности, легко сбежала вниз.

Анри уже отложил бутылку и теперь допивал вино из своего бокала, как вдруг заметил, что лица его друзей подозрительно мужественно закаменели. И в тоже время кто-то кашлянул сзади мелодичным девичьим голосом. Анрем развернулся и увидел всё ту же девушку в белом платье.

«Пожалуй, ей лет пятнадцать-шестнадцать, – подумал он машинально. – И тем более она не в моём вкусе...»

– Простите... – начала девушка.

– О, не стоит просить прощения, – Анрем хотел улыбнуться лучезарно, но получилось криво и мрачно. – Я уже забыл об этом маленьком инциденте. Мы тут с друзьями даже пьём за вашу меткость.

Девушка возмущённо надула губки.

– Я и не собиралась просить прощения, это просто обращение такое... Тут любому понятно, что произошла нелепая случайность... Впрочем, пожалуй, я подарю вам следующий танец...

Даби поперхнулся и закашлялся, а заботливый Роби стал стучать его по спине. Анрем мрачно на них глянул и опять обратился к девушке:

– Сударыня, не надо этих жертв... Вы вполне можете одарить кого-нибудь другого...

– И всё же вы должны со мной станцевать! Вы мне обещали!

Даби поперхнулся вторично.

– Выпей воды! – раздражённо посоветовал ему Анрем, – Сударыня, я мог пообещать вам это только в ваших безумных фантазиях...

– Какой невоспитанный человек! – Тамара топнула ногой. – Девушка его просит, а он ещё ей хамит!

Маркиз смотрел с балкона, нужно было исправлять положение, и потому Тамара просто схватила Анрема за руку и потянула из-за стола. Не ожидавший такого маневра Анрем оказался беззащитен.

– Сударыня! – взмолился он, провожаемый ошалелыми взглядами друзей. – У меня протез левой ноги! И лёгкое прострелено! И вообще я калека!

– Да хоть на инвалидной коляске!..

– И потом я кроме вальсов ничего танцевать не умею!

– На ваше счастье, – безапелляционно сказала Тамара, – следующим будет именно вальс. Будь следующим полонез, вам пришлось бы танцевать полонез...

Похоже, лётчик смирился со своей судьбой. Звучал вальс, кружились пары, и среди них кружилась пара принцессы и этого наглеца. Очень скоро принцесса поняла, что хоть протеза у него не было, однако танцевать парень действительно не умеет.

Ладони лётчика закаменели – одна в ладони Тамары, другая на талии, причем касаясь её чуть-чуть. Лицо закаменело тоже – похоже, парень считал в уме: «Раз-два-три...» Но лучше бы закаменели его ноги – вот уже четыре раза он наступил принцессе на носок.

– Для калеки вы неплохо танцуете, – решила Тамара завязать непринуждённую беседу.

Лётчик, похоже, этого не ожидал, сбился и наступил принцессе на ногу в пятый раз... Принцесса обозлилась и решила всякий раз наступать ему в отместку...

Не дождавшись ответа, Тамара продолжила:

– А как ваше имя?

– Анрем, – последовало короткое, отрывистое слово.

– Красивое имя, – Тамара подавила возмущение – парень решительно не желал действовать по сценарию, а может, просто не знал его? – А меня зовут Тамарой...

Однако Анрему было не до неё. У него болела от удара и немного кружилась от выпитого вина голова.

– Вы же лётчик?

– Угу...

– Наверное, это так интересно – летать среди облаков... Как по-вашему?

– Не знаю, среди облаков не пробовал...

– Такие же ощущения испытывает птица, правда?

– Угу...

– Как бы и мне хотелось...

«Господи, что я несу? – с испугом подумала Тамара. – И главное – перед кем? Впрочем, этот хоть не пытается ухаживать за мной», – она внимательно оглядела Анрема. Высокий, она ему до плеча еле достаёт, тело облачено в чёрный мундир, но и так видно, что не атлет. Впрочем, и не надо. Тамара всегда считала, что ум и атлетизм несовместимы. Лицо лётчика было юно и симпатично, что говорило в его пользу. Глаза... А что глаза? Синие. Ресницы длинные, почти как у Тамары. Нос...

«Стоп! – принцесса мысленно встряхнула себя. – О чём ты думаешь? Вон маркиз стоит мрачнее тучи. Причём уже не на балконе».

Танец закончился, и Анрем ожил. Поклонившись, как положено, он пробормотал: «Благодарю за доставленное удовольствие...», – и хотел было отбыть к друзьям и вину, но совершенно неожиданно почувствовал железную руку на своём запястье. Всё той же мёртвой хваткой Тамара взяла его под локоть и повлекла в другую сторону.

– Сударыня, куда вы меня тянете? – взмолился Анрем. – Я ведь танцевал с вами!..

– Это было нелегко, – согласилась Тамара. – Но наш вечер ещё не закончен...

– Помилуйте, сударыня! Какой вечер?!

– Романтический, – твёрдо ответила Тамара. – И учтите, сударь, если вы ещё раз попытаетесь от меня сбежать, я крикну, что вы меня поцеловали, и завтра вас повесят на Дворцовой площади...

– Кто меня повесит?

– Мой папа. Император.

– Император?! – Анрема будто вторым биноклем по голове стукнули. – Так вы принцесса?!

– Можно просто Тамара, – сказала принцесса и мило улыбнулась, показав остренькие клыки.

«Так она принцесса, – уныло соображал Анрем. – И я всё это время хамил младшей дочке императора... Какой ужас! Впрочем, я уже

наговорил столько гадостей, что можно не останавливаться – меня все равно повесят...»

Как ни странно, с другой стороны залы тоже были балконы, и Тамара влекла помрачневшего Анрема прямо к лестнице ведущей вверх. Тут-то они неожиданно и столкнулись нос к носу с полковником Банничкой. Полковник был грузен, сед и не один. За его локоть элегантно ухватилась ни кто иная, как мадам Гиноль.

– Лейтенант Цишина?! – удивился он и, похоже, непритворно. – И принцесса Тамара?!

Мадам Гиноль тоже высказалась:

– Ваше высочество, у вас хороший вкус...

Полковник же просто подмигнул Анрему. Потому как задрожала рука молодого человека, Тамара поняла, что парень закипел и готов начать кусаться.

– Впрочем, не будем мешать молодым людям, – полковник мило улыбнулся мадам Гиноль, та в свою очередь мило улыбнулась полковнику.

И эта парочка направилась к столику Роби и Даби, лица которых, по мере их приближения, становились всё кислее и кислее...

На балконе Анрем наконец-то отдышался. Мысли его пришли в порядок, и молодой человек наконец-то смог их разобрать.

«Итак, что мы имеем. Я на балу, рядом принцесса, завтра меня повесят... Как мне этого избежать? Героически погибнуть!» Он посмотрел с балкона вниз. Принцесса с любопытством поглядела на него:

– О чем вы думаете, Анри?

«Анри! О боже, меня не повесят, меня четвертуют за соращение малолетних!...»

– Мечтаю о полётах, – наконец мрачно выдавил из себя Анрем.

– Знаете, я хочу вам всё объяснить...

Анрем её не слышал.

«Чёртов полковник, если бы ни он, мы сейчас сидели бы в «Порванном Крыле», среди ребят, пили бы пиво... или коньяк... Шутили бы... Даби взял бы в руки гитару... бы...»

– Анрем? – лётчик почувствовал, что его трясут. – Вы меня слышите?

– Я вас прекрасно слышу... – грустно ответил Анрем.

– И я вас тоже прекрасно слышу, молодой негодяй!

«Или я чего-то не понимаю, или у принцессы странно изменился голос...», – подумал Анрем. Однако принцесса непритворно испугалась. Молодые люди оглянулись и увидели маркиза, который только что шагнул на балкон...

«Он назвал меня негодяем, – сообразил наконец-то Анрем, оживая. – А ведь это шанс!»

– Сударь, назовитесь, – холодно попросил он маркиза. – Или вы предпочитаете оскорблять анонимно?

Маркиз принял гордую позу:

– Я, маркиз Жиффур, вызываю вас на дуэль! Выбирайте место и оружие!

Анри тоже встал в стойку:

– Я, граф Цишина, принимаю ваш вызов, маркиз! Встретимся сегодня в полночь, на кладбище Старого Папы. Будем стреляться, маркиз!..

Тут принцесса наконец-то обрела дар речи:

– Судари, вы что, сдурели?!

– Оставьте, ваше высочество! – сказал Анрем. – Только его кровь может смыть мою обиду!

И он потащил маркиза к лестнице.

«Чёрт! – подумала принцесса тем словом, которым принцессам думать нельзя. – Этого ещё не хватало!» И она бы побежала следом за ними и всё объяснила, честно-честно, но тут на сцене появились очередные действующие персонажи в лице миссис Гронир и двух телохранителей.

– Ваше высочество, вас срочно вызывает ваш отец!..

Пока объяснялись, Анрем и маркиз уже скрылись. И потом... Это же так романтично, когда два человека бьются на дуэли из-за девушки!..

«Цишина! – фыркнула напоследок принцесса. – Вот не повезёт той девушке, которая решит выйти замуж за парня с такой фамилией!»

– Слава богу!.. – воскликнул Анрем на улице.

– Не понимаю вас, – мрачно покачал головой маркиз. – Вам предстоит умереть, чего в этом хорошего?

– Ну, это ещё, положим, ваша бабушка вам на ночь рассказывала...

– Предупреждаю, как бы вы отлично ни стреляли, я стреляю лучше...

– Подождём хвалиться до полуночи...

Маркиз пожал плечами.

– У вас есть секундант?

– Есть. Граф Лойза...

– Хорошо... Значит в полночь? Честь имею...

Анрем проводил маркиза задумчивым взглядом, затем вошёл в дом мадам Гиноль и успел проскользнуть по лестнице до того, как по ней миссис Гронир проконвоировала принцессу...

Ни секунды не медля, Анрем подошёл к столику, за которым помимо его друзей прочно обосновался полковник с мадам.

– Граф Лойза? – кивнул Анрем Роби.

– Вне всякого сомнения... – унылое лицо Роби слегка поубавило уныния.

Роби встал – они понимали друг друга с полуслова. Впрочем, и Даби понимал и потому тоже встал.

– И что значит эта сцена? – осведомился полковник.

– У меня дуэль, – с достоинством пояснил Анрем. – Вопрос чести!

– Вопрос чести? – полковник нахмурился. – И кто же ваш противник?

– Маркиз Жиффур.

– Маркиз Жиффур! – воскликнула мадам, всплеснув руками. – Да ведь он же чемпион по стрельбе из пистолетов! И заядлый бретёр!

– Чемпион? – полковник задумался.

– Вы должны перед ним извиниться и прекратить эту глупую дуэль!
– Мадам... – с достоинством сказал полковник. – Это дело чести. Граф должен быть на дуэли, – он повернулся к Анрему. – Да поможет вам бог, лейтенант... Прощайте.

Бал во время войны

– Ваше высочество!..
– Я сказала – нет!..
– Но ваше высочество!..

Тамара вздохнула. Почему-то в последнее время все от неё что-то хотели.

Дворец был совершенно незнакомый и по сравнению с императорским выглядел совсем бледно. А вот чего хватало с избытком, так это знакомых лиц. Какие-то разодетые дамочки, покрытые бронёй орденов дряхлые генералы, глупые парни в модных одеждах... Придворные, фавориты, фавориты фаворитов... Казалось, весь двор прибыл в небольшую загородную резиденцию императора. И, конечно же, миссис Гронир. Вот её лицо примелькаться не могло – оно казалось лицом высеченной из камня статуи унтер-офицера, на которую по ошибке нацепили платье, седой парик и монокль.

– Ваше высочество!..
– Да отцепитесь вы! Если вам так нужен этот бал, то сами и идите!
– Ваше высочество, я не думаю, что моё присутствие поспособствует воодушевлению молодых людей. Ведь они рвутся в бой из-за вас!..
– Вот пусть и идут в бой! Нечего околачиваться во дворце! Почему один Анри должен защищать Империю?!

– О! – миссис Гронир прижала ко лбу ладонь, изображая тем самым свои смятенные чувства. – Ваше высочество! Не говорите мне, пожалуйста, об этом негодяе Цишине!..

Тамара возмущённо топнула ногой:

– Не смейте так о нём говорить! Это моя привилегия! И потом, – Тамара мило улыбнулась, – подумайте... возможно вы говорите о будущем императоре...

– Ваше высочество, по-видимому, это вам рассказывала ваша бабушка, императрица Констанца Вторая, когда вы были ещё совсем маленькой и не могли уснуть без сказки на ночь.

«Ты даже не знаешь, как права, старая вешалка, – подумала Тамара, – и дело тут не в тебе или в желаниях двора... И даже не в Анри. Просто я сама не знаю, прощу ли я его? – Тамара печально вздохнула. – Наверное, прощу, я ведь такая отходчивая... Другой вопрос, выживет ли после этого Анри?..»

– В любом случае, нельзя же устраивать балы, пока доблестные защитники Западного Оплота истекают кровью в боях за Империю!..

– Почему же? – миссис Гронир пожалала плечами. – Самое сложное было достать хороших музыкантов, но распорядитель бала справился с

этой проблемой. К тому же, согласно последним сводкам, Западный Оплот пал, так что вы можете со спокойной совестью идти на бал – если в том городке кто и истекал кровью, то уже давно истёк...

Тамара широко раскрыла глаза.

– Как... пал?..

– Героически, – пояснила миссис Гронир. – Много жертв – полёг целый полк... Впрочем, об этом вам стоит поговорить с военным министром – он тоже будет на балу...

– Да как вы можете устраивать балы в такое время?!

Миссис Гронир всё-таки сообразила, что принцесса спрашивает у неё не описание подготовки к балу.

– О, ваше высочество!.. Не беспокойтесь, будет только медленная танцевальная музыка, а по всем стенам развешают портреты полковника Гурдиса в траурных рамках...

Принцесса сжала кулачки и зашипела.

– Вы!.. Вы!.. Да вы!.. Знаете, куда вы можете себе этот бал!.. – Тамара сдержалась. – Не пойду я ни на какой бал!..

– Ваше высочество!..

«Неужели Анри погиб? – подумала Тамара. – Ну уж нет!.. Он не может умереть, пока я до него не доберусь!.. А потом... посмотрим!..»

И всё-таки бал состоялся, хотя придворные заметили, что с лица их высочества не сходит мрачное выражение. Тут же поползли слухи: «Принцесса в заботах о судьбе Империю!»

Заботиться о судьбе Империю принцесса предпочитала на балконе в полном одиночестве. Здесь всё было так похоже на балконы в доме мадам Гиноль, даже перила были такими же. Тамара с забившимся сердцем посмотрела вниз. Увы, только танцевальные пары и ничего кроме... Да и бинокля под рукой не было...

«О Анри! – жалобно подумала Тамара. – Куда ты делся! Конечно же ты выбрался из Западного Оплота... Но почему ты не приходишь ко мне?!» Правда, глубоко в душе Тамара догадывалась, почему граф Цишина не торопится со встречей, и считала его абсолютно правым. «Но, Анри, – продолжила свой мысленный монолог принцесса, – если ты сейчас придёшь сюда, то я тебе всё прощу только за то, что ты жив!..»

Кто-то вошёл на балкон. Тамара почувствовала, что сердце неровно стукнуло, потом часто забилося. «Нет, я не готова к встрече! Это не может быть Анри! Это не может быть Анри!..» Принцесса стремительно развернулась.

Это был не Анри.

«Чёрт! Вечно граф Цишина всё испортит!..»

Молодой человек, представший перед ней, всё же чем-то напомнил ей Анри. Такой же белобрысый, в глазах чуть уловимая насмешка... На нём был довольно скромный мундир...

– Ваше высочество... – молодой человек почтительно склонился.

– Кто вы? – мрачно поинтересовалась принцесса.
– Позвольте представиться, лорд Дэни...
– Лорд Дэни? – Тамара покачала головой. – Чудеса!.. Но вы же умерли! И потом были несколько постарше!

Юноша улыбнулся:

– Совершенно верно. У вашего высочества великолепная память... Только это был мой отец, Патрик Дэни. А меня зовут Антуан...

– А, знаете, Антуан, я могла бы быть вашей мачехой...

– Поверьте, это была бы страшная судьба, уж я-то своего папу знал...

«Как всё-таки тесна Империя, – подумала принцесса. – Надо же, сын того самого лорда Дэни...»

– Скажите, Антуан, а почему вы не в Западном Оплоте? Почему вы здесь?

– Ваше высочество не знают... Совсем недавно я командовал эскадром именно в Западном Оплоте... Увы, тяжёлое ранение надолго выбило меня из строя... Впрочем, я уже вполне здоров...

– И что же привело вас на это балкон?..

– Ваше высочество, я хотел бы пригласить вас на танец... Судьба Империи вполне может подождать... А защитники Западного Оплота... что ж, когда-то они будут отмщены... Впрочем, я пойму, если вы откажетесь...

«Ай, ладно! – Тамара мысленно махнула рукой. – Если Анри узнает, что я танцевала с симпатичным молодым человеком, это нисколько не повредит... Нечего было меня в броневики засовывать!..»

...Кружились пары, Антуан уверенно вёл и смотрел на неё... необычно... У него были очень голубые глаза, лёгкие движения... Как же в этот момент он не напоминал Анри! Анри был так неуклюж!.. Тамара закрыла глаза и... кто-то больно наступил ей на ногу.

– Антуан, вы так напомнили мне одного молодого человека!.. – сквозь слёзы сообщила лорду принцесса.

– Ваше высочество, это не я... – сообщил Антуан, с сомнением глядя куда-то вбок.

«Неужели!.. – Тамара задыхнулась от нахлынувшего чувства. – Неужели?!»

Принцесса стремительно повернулась.

Увы, это тоже был не Анри...

– Мне показалось, или ты сказала «чёрт»? – любезно поинтересовалась Кристи.

– Тебе показалось! Я сказала: «Дьявол!»

Кристи была тут, и с этим ничего не поделаешь. Кроме того, это была не просто Кристи, а Кристи в великолепном белом бальном платье, с прекрасно уложенными волосами, причём кошачьи ушки совершенно не портили причёски, а придавали девушке особенно милый вид. И ещё наверняка на ней были туфли с острыми каблуками, что Тамара уже успела на себе испытать...

– Мне необходимо поговорить с вашим высочеством!.. Причём срочно и наедине.

Антуан мило улыбнулся:

– У вас очаровательные ушки, сударыня. Они из папье-маше?

Кристи наградила его тяжёлым изучающим взглядом. Проронила:

– Ещё у меня есть очаровательные коготки... Так что решили, ваше высочество?

– Антуан, подождите, я скоро вернусь...

Кристи провела принцессу напрямик в дамскую комнату, сплошь уставленную зеркалами и хитрой косметикой.

– Итак, – Кристи мило улыбнулась, – одна принцесса решила совершенно не отдавать отчёта в своих действиях?..

– Интересно, – не менее мило улыбнулась Тамара, – кому это принцесса должна отдавать отчёт в своих действиях?..

– Вот я и говорю... Пока одна молодая, но уже совершенно испорченная дворцовой жизнью и развратной средой принцесса направо и налево флиртует со всякими смазливymi кавалерами, графу Цишине, который её совершенно не интересует, приходится очень плохо...

Тамара пожалала плечами:

– Он сам виноват! И потом, сколько я помню себя с Анри...

– Что значит «себя с Анри»?! – Кристи сжала кулачки.

– Так вот, сколько я помню себя с Анри, он находил выход из всяких, даже самых безвыходных ситуаций. Я уверена, что он сумел выбраться из Западного Оплота... – Тамара стукнула каблучком. – Вот пусть только попробует там погибнуть! Я не знаю, что тогда с ним сделаю!..

Кристи улыбнулась:

– Я спешу успокоить ваше высочество... Я тут немного покопалась в документах Генерального Штаба...

– Что?!

– Ну... – Кристи опустила глаза. – Я представилась твоей лучшей подругой и попросила разрешения... И меня пустили.

– Моей лучшей подругой?!

– Так вот... Судя по этим бумагам, среди небольшой горсточки солдат, с боем прорвавшихся из окружения, был и некий граф Анрем Цишина...

– Так он жив! – принцесса почувствовала, как у неё с души падает огромный камень. – Видеть его не хочу!.. А... где он?.. Почему он не приехал сюда?!

– Потому что из Грентской тюрьмы выбраться труднее, чем из окружённого Западного Оплота! Во всяком случае, с боем оттуда точно не прорвёшься.

– Как?! Почему в тюрьме?!

Кристи усмехнулась:

– О! Там была целая книжечка с обвинениями! В том числе и похищение принцессы...

– Так ему и надо!

– Что?! – Кристи от изумления смешно приоткрыла ротик.

Принцесса передёрнула плечами:

– А ты забыла, что он с нами сделал?!

– Ну-ка, ну-ка, напомни, – Кристи уже пришла в себя.

– Не притворяйся дурочкой! Ты ведь сама на него обижаешься, после того, как он вульгарно, грубо, хамски, цинично...

– Спас нам жизнь, – закончила за принцессу Кристи. – Ты ведь это хотела сказать?

Тамара запнулась. С такой позиции она происходящее не рассматривала. И если смотреть на последние события беспристрастно... то получается, что Анри в очередной раз спас жизни двум глупым девчонкам.

– И всё равно, он оскорбил нас!

– Говори за себя! – попросила Кристи

– Ты хочешь сказать, что не обиделась на него?!

– Ни капельки! – Кристи вздохнула. – Вернее, сначала обиделась, а потом простила. Ведь я же люблю его!.. Глупая!

– Значит... я была несправедлива к Анри?! – удивилась Тамара.

– Вот именно!

– И всё равно! Пусть немного посидит в тюрьме!

– И ничего не посидит!

– Ненавижу его!

– Ненавидишь, но спасёшь!

Тамара задохнулась от возмущения:

– Почему это?!

– Потому что за тобой должок... Помнишь, ты меня просила спасти Анри?! Так вот, теперь считай, что у тебя есть возможность расплатиться! Тогда я спасла Анри для тебя, теперь ты спаси его для меня!..

– Ты спасла его для себя!..

– Ах ты, маленькая притворщица! – возмутилась Кристи. – Только не говори мне, что ты не хочешь, чтобы я тебя переубедила?!

– Так убеждай же скорее!

– Посмотри на себя – принцесса, практически императрица... А ведёшь себя, как торговка!..

Некоторое время девчонки шумно дышали, выпуская накопившуюся злость. Потом Тамара поставила на место вазу, а Кристи убрала когти...

– Между прочим, – сказала она, – Анри приговорили к расстрелу... Тома! – глаза Кристи наполнились слезами. – Я прошу тебя, спаси Анри!..

– Чего же ты раньше молчала, глупая девчонка!

Принцесса выглянула за дверь и позвала:

– Антуан!..

Лорд Дэни действительно был поблизости.

– Что угодно вашему высочеству?..

– Зайдите сюда!

– Но... это же дамская комната!

– Я сказала, зайдите!

И Антуан зашёл.

– Антуан, вы же кавалерист?

– Да, ваше высочество...

– Тогда берите... э-э... коня! И скачите в Грент, в Грентскую тюрьму... Передайте им мой приказ немедленно освободить графа Анрема Цишину!..

– Это которого расстреляли за посягательство на вашу честь? – уточнил лорд Дэни, но увидев выражение лица принцессы, тут же поправился: – А может, я и ошибаюсь...

Когда Тамара начала говорить, то делала это медленно, с расстановкой:

– Быстро... скачите... в Грент! Если вы не привезёте мне моего Анри... То я не позавидую этой стране!

– Целься!..

Ряд стволов смотрел на заключенного.

– Пли!..

Стук выстрелов...

– Ну что на этот раз?!

Плаксивый голос одного из солдат:

– Господин комендант! Он опять упал!

Комендант Грентской тюрьмы только вздохнул.

Много раз в своей жизни ему приходилось расстреливать дворян, чем-то не угодивших императору. Обычно они говорили горячую обличительную речь, гордо отказывались от последней сигары и умирали с высоко поднятой головой. Этот, однако, речей не произносил. Сигарету выкурил медленно-медленно, причём с явным отвращением, потом попросил рюмку вина, потом ещё одну, потом потребовал священника, долго ему исповедовался. Затем, когда священник ушёл, потребовал его обратно, сказав, что забыл про целый ряд грехов... Священник отказался прийти в пятый раз, мотивируя это тем, что чем скорее такой грешный человек встретится с богом лично, тем ему же будет лучше.

Наконец графа Цишину всё-таки поставили к стенке. И тогда он начал падать, причём делал это настолько мастерски, что придраться было совершенно невозможно.

– Друг мой, – устало спросил наконец комендант. – Почему вы падаете?

– Любезнейший, – граф не менее устало вздохнул, – к сожалению, ноги не держат меня...

В глазах коменданта мелькнули сумасшедшинки.

– Стул графу Цишине!..

Уже сидя на стуле, Анрем подумал, что, пожалуй, будет первым, кого расстреляют в таком положении.

– Целься!.. – приказал комендант. – Целься лучше!..

Но последней команды не успел отдать – во двор тюрьмы ворвался кавалерист. Прежде чем лошадь пала, кавалерист успел прохрипеть:

– Освободить графа Цишину!.. Приказ её высочества!..

Принцесса опять была на балконе, одна. Опять вспоминала первую встречу с Анри и изрядно нервничала. Внизу измождённо танцевали пары. Измождённо – потому что Тамара приказала танцевать, пока к ней не доставят Анри. Шёл уже пятый час с тех пор, как лорд Дэни умчался с приказом в Грент, и вот от него ни слуху ни духу...

«О, Анри! – жалобно думала принцесса. – Я была не права! Если ты не умрёшь, я всё тебе прощу!.. Но учти, если ты всё-таки умрёшь, то я!.. Я!..» На балкон кто-то шагнул. Знакомо запнулось сердце...

«Не буду оборачиваться! – решительно подумала Тамара. – Наверняка это Кристи или миссис Гронир, или ещё кто-нибудь...»

– Ваше высочество не желают меня видеть?

Тамара стремительно обернулась.

– Анри!..

– Знаете, ваше высочество, меня тут немного казнили... Но я сразу же бросил все дела, чтобы увидеться с вами...

Это был Анри. Многострадального мундира на нём уже не было, а белая рубашка оказалась в нескольких местах подырявлена пулями...

– Анри!..

– Да, Тамара, как это ни странно, это действительно я...

Принцесса бросилась Анрему на шею.

– Анри!.. Как ты посмел меня оставить одну! О, Анри, я так тебя...

– Кхе-кхе!.. Тамара, ещё один поцелуй, и я тебя расцарапаю!..

«Чёрт, – подумала Тамара с негодованием. – Опять эта Кристи...»

– Тамара, ты ничего не забыла? – мягко спросил Анрем.

– Что, Анри?..

– По-моему, там люди танцуют уже шестой час...

– Ах да! – принцесса бросилась к перилам. – Господа! Бал окончен!

Все свободны!

Когда принцесса обернулась, то увидела, как графа обнимает эта несносная Кристи, приговаривая: «О, Анри, я так по тебе скучала!..»

– Граф Анрем Цишина! – Тамара сжала кулачки.

А внизу с облегчением кричали:

– Да здравствует граф Цишина!..

И оркестр играл туш...

Константин ЕГОРОВ

Как Адам Еву нашёл

(Версия современного исследователя)

Жил-был Адам. Жил вполне обычно, в своих тропических райских кущах. По утрам просыпался от треска кокоса, ухнувшего о скалу, насыщал голодный желудок, а потом совершал пробежку по родным

джунглям. По пути Адам преодолевал горные потоки с оружием в зубах, испытывал новейшие средства защиты от вреднейших насекомых, спасался от голода в различных экстремальных ситуациях... В общем, готовился к будущей бурной и сложной жизни.

А ещё была у него мечта. С детства Адам рос один-одинёшенек, как во поле берёзка. Поэтому мечтал обрести друга, с которым можно хоть в огонь, хоть в воду.

Однажды Адам совершал свой обычный утренний моцион, постигая лечебные свойства трав и других многолетних растений, проникаясь знаниями из области медицины из всего, увиденного на бегу.

И потому нисколько не растерялся, увидев удава, бьющегося в судорогах. Дело в том, что громадный змей как-то неловко заглотнул кролика, тем самым причинив себе жесточайшие мучения. Адам, взявши тяжёлое змеиное тело в нужном месте, потрянул его так, что вмиг принёс необыкновенное облегчение страдальцу. Незадачливый едок распахнул свои бледные очи и благодарно посмотрел в глаза юноше.

– О нет! – вскричал испуганный взглядом Адам. – Только прикоснись ко мне, тут же все кишки выпущу.

Змей отвернулся, явно обиженный, и произнёс человеческим голосом:

– Подумаешь, недотрога какой. А я ведь только поблагодарить хотел.

Впервые в жизни смутился Адам неожиданным поворотом событий.

– Да брось ты, – говорит, – не нужно мне от тебя ничего. Давай лучше дружить.

Согласился змей. Много ли у самого-то друзей?

Стали они вместе жить-поживать. Поскольку у Адама всё же не поднималась рука на зверей, удав по утрам подбрасывал юноше на завтрак чего-нибудь мясного. Потом вместе занимались физподготовкой. Тут уж, конечно, змею было чем поделиться с человеком.

Между тем удав всё думал о том, как ему отблагодарить человека. И придумал.

Как-то раз на тренировке Адам, как и подобает настоящему командос, вымазал всё своё лицо грязью. Но не обычным чернозёмом и не болотной тиной, как прежде, а глиной. Вязкая глина, высыхая на лице, доставляла весьма неприятные ощущения. Потом отвалилась, прямо кусками. Противно, фу! Но странное свойство этого материала озадачило Адама.

Вернувшись с тренировки, он занялся лепкой. С первого раза решительно ничего не получилось; птицы выходили неуклюжими, звери – чересчур страшными. Пальцы-то не привыкли.

Попробовал вылепить своё подобие. Но бёдра у глиняного человечка оказались чересчур широкими, грудь осталась толком неоформленной, голова – то же самое. Испортив себе настроение, Адам бросил собственную работу в огонь, – гори оно синим пламенем. Лёг на бок и безмятежно уснул. Ничего удивительного; намаялся на тренировке, устал.

А проснулся от взгляда, настигшего, кажется, самую его душу. Даже змей не умел ТАК смотреть. Адам обернулся туда, откуда преследовал его чужой взгляд. Там, возле костра, сидела ОНА. Кто – она? Почему – она? Мысли Адама вконец запутались. Хотел позвать друга, но того не оказалось поблизости.

Тогда Адам стал разглядывать девушку. Догадавшись, что это создание его рук, юноша не нашёл на этот раз ничего безобразного в её облике. Всё, кажется, было на своём месте: руки, ноги, голова.

Даже более того, новое создание было невыразимо прелестно.

– Ты – кто? Наверное, Ева? – неожиданно для самого себя спросил Адам. И откуда, в конце концов, взялось это имя? Бог весть.

– Да хоть горшком назови, – весело взмахнула кудряшками красавица, – только в костер больше не бросай. Жарко там всё-таки.

Звучание её голоса совершенно пронзило первочеловека. Он почувствовал себя парящим высоко-высоко в небе. Так высоко, что было страшно пошевелиться.

– Это – мой дар тебе, – раздался вдруг тихий голос откуда-то сверху. Эти слова произнёс удав, свесивший голову с ветки яблони.

Змей поступил достаточно мудро, скрыв свои слова от девушки. А та уже никого и не слушала, занявшись затухавшим было костром.

Надо ли и говорить о том, что ждало их впереди. Роскошнейший медовый месяц, самый чудесный праздник из всех, что были на земле, плавно перетекавший из ночи – в утро, изо дня – в вечер. И первым людям на земле решительно некуда было спешить, постигая глубину и таинство создавшего их мира.

А потом Адам с Евой поняли, что у них будет ребёнок. Ева сначала испугалась: «Господи, а что мы будем делать?» Сами-то они были закалёнными людьми, постигшими огонь и воду. Привыкли обходиться малым.

Но Адам успокоил жену: «Ничего, построю дом, стану добывать пищу. Как-нибудь всё образуется». И, правда, после того, как родился ребёнок, зажили они пуще прежнего.

А что, спросите, со змеем стало? Он как-то внезапно пропал. Ушёл в джунгли.

Может быть, вернётся.

Сергей ЕРОФЕЕВ

Вопросы по существу

(сценарий короткометражки)

Голос: Приступим?

Коммандор: Это ты?..

Голос: Да, я. У нас около двух минут. Задавай по существу дела.

Коммандор: Кто ты?

Голос: Алексей.

Коммандор: Русский?

Голос: Из Орска. А ты кого ждал? И-Ти?

Коммандор: Что это за технология?

Голос: Никакой технологии. Мы просто общаемся. Улетайте отсюда.

Коммандор: У вас здесь база? Как долго?

Голос: Да ты в уме ли? Какая база? Сорок шесть по Кельвину. И ничего кроме стекла. Миллионы тонн битого стекла от Сотворения Мира носятся в атмосфере. Метель. Вечная. Ну, ты знаешь. По мне, так жестковато даже для русских.

Коммандор: Как же Вы тут живёте?

Голос: А мы тут и не живём, Стив.

Коммандор: Но... ты ведь русский?

Голос: Если я плохо говорю по-английски, так это издержки советской школы. Фарух учил в Абу-Грейбе. Позвать?

Коммандор: Что ты несёшь?

Голос: Видишь ли, с вашими тут не очень. Да и неразговорчивы... Примерно минута. И связь оборвётся.

Коммандор: Где станция?

Голос: В атмосфере.

Коммандор: Моя дочь?

Голос: Не беспокойся о ней.

Коммандор: Вы убили её?!

Голос: Не мы. Они. Те, кто чувствует боль.

Коммандор: Но станция – в атмосфере?..

Голос: Да, и останется. Ещё очень и очень надолго. Если б ты знал, какая там сейчас давка. Это что-то... сродни крестовым походам Средневековья. За обладание Обетованной Землей. А дочь твоя у них теперь вроде Мессии. Прямо по Писанию.

Коммандор: Ты лжёшь мне. Операция согласована с Хьюстоном. Старт через сорок минут.

Голос: Вы умрёте. Помнишь, как ночью, в детстве, ты просыпался в удущье, не в силах пошевелиться? Вот так и будет, когда они заполнят челнок. Они вас задавят. Тупо. Без всяких эмоций и осознаний. А после – сонм обезумевших духов будет пытаться пролезть, просочиться внутрь, выпирая друг дружку за внешние стенки. Десятки, может быть, сотни лет броуновского процесса. Пока не заглохнет реактор, и аппарат не рухнет на поверхность планеты.

Коммандор: Что же это за мир-то такой?!

Голос: Это Царство Небесное. Кому – «райские кущи», кому – «плач и скрежет зубовный...» Ну а кому – и синенький шарик в созвездии Рыси...

Коммандор: Операция через сорок минут!

Голос: Тебе решать, Стивен. При любом раскладе – до встречи.

Невеста Кутха
Этнографическая байка

Звонок прозвенел уже пять минут назад, а преподавателя всё не было. Учиться в последний день перед Новым годом не тянуло, хоть тресни, и студенты с нетерпением выжидали положенное время, чтобы сорваться с пары. Самые нетерпеливые уже потянулись к раздевалке, но тут же недовольной стайкой стали заплывать обратно. Подгоняя последних, в аудиторию зашёл зав. кафедрой, по виду – типичный академик Павлов – при шапочке и бородке клинышком. Прошествовав на кафедру, он объявил:

– Георгий Петрович приболел, так что последний урок нам придётся сосуществовать вместе.

Студенты понимающе закивали: Георгий Петрович периодически «приболевал» после праздников, а тут, видимо, сорвался заранее. Заведующий, старый друг болезного, уже не первый раз его прикрывал.

– И чем же мы займёмся, любезные?

Заниматься любезным ничем не хотелось, и они поспешили озадачить преподавателя:

– А скажите, профессор, в какой-нибудь традиции есть аналог нашей Снегурочки?

Тот усмехнулся, разгадав нехитрую студенческую хитрость, но принял правила игры, так как тоже не горел желанием возиться с должниками или начинать новую тему.

– Снегурочки, говорите... ну, наострите уши – расскажу вам одну историю...

Давно это было, я тогда только-только кандидатскую защитил. Пришлось нам как-то в декабре спешно отправиться в неплановую экспедицию: исследовать только что открытое племя в Якутии.

Почему спешно? Да у них раз в пятьдесят лет случается свадьба Кутха, такой возможности нельзя было упустить. Начальником экспедиции назначили Илью Васильевича Вяземского, светлая ему память, помощником – меня, да ещё напросилась к нам аспирантка Зинаида, серая такая мышка, всё никак личную жизнь не могла устроить и от этого в науку ударилась. Вот не хотели же брать, но очень настойчивая девица попала, да и тема диссертации у неё больно подходящая была: что-то о новогодних обрядах малых народов.

Прилетели в Якутск, оттуда на «кукурузнике» над зелёным морем тайги до какого-то посёлка. Дальше на вертолёте добрались до большого стойбища якутских эвенков, оттуда на оленях по руслам рек и речушек отправились дальше.

Как сейчас помню: полозья нарт поскрипывают в такт движения, снег укутал всё вокруг белейшим покровом и поблескивает бриллиантовыми искрами – без тёмных очков полный каюк глазам, ели и пихты тянутся

вверх, принаряженные как невесты, будто это из них Кутх-создатель будет выбирать себе жену.

Вёл нас один местный следопыт, вот запомнил. ... да мы и тогда звали его только Дерсу Узала – такой же бродяга-охотник. Собственно, он и открыл это племя, они его от смерти спасли, подобрали в тайге: отогрели, откормили и чуть не обженили – у себя хотели оставить. Да не усидел на одном месте. От него местные власти и узнали про это племя, понятия не имеющее о том, что живут в Стране Советов. Так и до Академии слух дошёл, вот и снаряжали нас, как на ловлю блох: быстрее, ещё быстрее.

Окончательно вчетвером до стойбища этих независимых оленеводов-охотников добирались на лыжах, общую поклажу наш Дэрсу вёз на нарте. Прибыли засветло. Встретили нас хорошо: отогрели, напоили чаем из чаги и допустили на обряд жертвоприношения оленя. Потом в самом большом чуме угощали его мясом, все побывавшие на обряде должны отведать хоть кусочек, такой у них обычай. Но вегетарианством никто из нас не баловался, даже Зинаида, сидя с женщинами у входа, уплетала с удовольствием. Хорошо ещё, что сырьём не пришлось есть, большую часть мяса сварили. Любители сыринки сидели отдельно: слева от очага, мы же, через толмачество Дэрсу, уяснив ситуацию, дружно откочевали вправо.

Удивительный народ: язык похож на кетский, уклад скорее эвенкийский и якутский, верования, тот же Кутх, более чукотские. Вот и новый год, на который мы так поспешали, встречают 21 декабря, как чукчи. У якутов-то он весенний – в конце мая с пробуждением земли, у кетов – осенью, перед началом охотничьего сезона.

Вечером пришёл местный сказитель и спел легенду о вороне Кутхе и его жене. Долго кайчи выступал: то на хомусе поиграет, то горловым пением завибрирует, а наш толмач спать, что ли, сильно хотел, пересказал совсем коротенько:

– Сотворив всё, шибко устал ворон Кутх и решил отдохнуть. А когда же и отдыхать, однако, как не в старости. Стал он морозным дедом, зимой там дело-то было. Завалился в чум и захрапел. Так разоспался шибко и такого холода напустил, что солнце замёрзло и свалилось в море. Темно стало. Пришли люди к Кутху, разбудили: верни нам солнце. Пришлось ему там опять вороном стать и в воду нырять. Достал солнце и говорит: нужна мне жена, однако, чтобы не давала шибко крепко спать. Вот и выбирают люди каждую пятидесятую зиму под новый год ему невесту – снежную девку.

На следующий день с утра весь народ высыпал на лёд реки, молодые парни прорубь продолбили, девки давай вокруг неё кругами ходить, да петь что-то протяжное, шаман появился, в бубен пару раз ударил, а потом к нам подходит и что-то по-своему талдычит и на Зинаиду рукой маячит. Как на грех толмач наш куда-то отошёл. Ну, Вяземский по кетски немного понимал, перевёл нам:

– Девка мужняя?

– Нет, – говорит, – свободная.

– Айда к невестам.

Илья Васильевич отговаривать, а Зина как услышала – невесты, так и кинулась в хоровод, совсем с ума съехала.

Ну ладно, девки опять кругом пошли, а шаман тут уже не на шутку закамлал: в барабан лупит, медведем ревет, вороном каркает – и заскакал чуть не выше своего роста. Долго так бесновался, даже у нас в головах мутиться стало. Тут всех девушек выстроили в ряд и дают в руки по куску рыбы. Нашей тоже. Потом принесли откуда-то ручного ворона и выпустили летать на верёвочке. Тот пару кругов сделал и прямо к Зинке на руку сел. Народ давай радоваться и нам что-то талдычит, вроде поздравляет.

Прибегает тут наш Дерсу, лицо блее снега:

– Что наделали?! Невесту Кутха там сейчас разденут, окунут в прорубь и будут поливать водой, пока совсем не замёрзнет. Шибко чокнулись вы, однако.

Кинулись мы к шаману, куда там – Кутх сам жену выбрал, другой не примет. Побежали за ружьями, не тут-то было: сбили с ног, связали и в тот же чум сволокли. Лежим мы как болванчики, а снаружи праздник великий, как же – ещё полвека жить можно спокойно.

Выпустили нас утром, собрались мы быстренько, встали на лыжи и, пряча глаза, отправились восвояси. Напоследок всё-таки обернулись: стоит наша Зинаида обнажённой на взгорочке... белая, как у греческих богинь, кожа сияет ледяной коркой в первых лучах восходящего солнца совсем неземной красотой. А за ней сгрудилось всё племя этих истинных детей природы, как бы защищённое этой хрупкой грацией от всех бед и напастей.

Все студенты, особенно девушки, слушали затаив дыхание, даже на звонок не отреагировали, пока кто-то не спросил:

– Профессор, и что же вы?

– Мы-то, да написали протокол, что утонула в проруби.

– Как же так?

– А что, карательный отряд надо было привести? Это же мы пришли в их мир, а наш устав в том монастыре не действителен. Да и Зине-то мы уже ничем помочь не могли. А так кто знает... может, она и стала женой создателя и матерью целого племени, пусть и на время.

Есть многое на свете...

Грузопассажирский звездолёт «Surprise» Соединённого королевства вынырнул из очередной «кротовой норы» пространства, запустил маршевые двигатели и направился к первой по маршруту планетной системе. Через пару дней очнувшиеся от гиперсна и пришедшие в себя пассажиры, свободные от вахты члены экипажа, а также корабельный кот собрались в кают-компании отпраздновать это маленькое событие.

Капитан в безупречно чистой и идеально отутюженной форме, будто сошедший с плаката, призывающего послужить в космофлоте, оглядел всех

собравшихся, встал из-за стола, снял фуражку, улыбнулся и разразился перед собравшимися четырьмя дюжинами человек небольшой речью:

– Леди и джентльмены! Рад видеть всех в добром здравии и хорошем настроении. Спешу порадовать вас сообщением, что все системы нашего корабля после перехода работают исправно и мы, точно по графику, направляемся к планетам системы Мейдуза.

Все пассажиры, а особенно пассажирки, внимательно слушали капитана, улыбкой прямо излучающего бодрость и оптимизм, экипаж же, сто раз слышавшей всю эту дежурную трепотню, расселся по обычным компаниям и болтал о своём. За одним из столиков, заказав киберу перекусить что-то неопасное для фигуры, собрались три представительницы лучшей половины корабельного человечества. Щебетали они, конечно, о самом важном:

– А что, Стели, твой ботаник опять не явился на общий сбор? – спросила подругу медсестра Корина.

На что Стела, миниатюрная блондинка, отвечавшая на корабле за пассажиров, для своих – просто стюардесса, с лёгкой досадой ответила:

– Ну почему – мой? Просто он показался таким беззащитным и загадочным, со своими всклокоченными волосами... что захотелось узнать о нём побольше.

– Ох уж эти русские, – включилась в разговор третья сотрапезница – сержант безопасности, крупная, высокая брюнетка с грубоватыми чертами лица, – напридумывают себе, а по мне – так обыкновенный неврастеник и неудачник.

– Габи, Габи, – вступилась за подругу Корина, – не такой уж и неудачник, если из-за него одного залетаем на планету... как её там, просто он тебе не понравился, чем-то похож на твоего бывшего.

– Вот ещё! Ничуть не похож.

– Кстати, как там ваша маленькая авантюра? Помнится, перед последним прыжком вы хотели негласно обследовать его каюту, я ещё увела этого Целхидоса в ванну первым из пассажиров?..

Официальная часть обеда между тем закончилась, и к выходу засемила худая, как швабра, мисс Стерворс – стареющая противница обедов, немного ушибленная идеей здорового образа жизни. Не успела она скрыться в коридоре, как оттуда раздался дикий визгливый вопль, почти переходящий в ультразвук. Все присутствующие вскочили, и самые решительные, а это оказались второй пилот и офицер безопасности, кинулись на помощь и буквально через минуту привели повисшую у них на руках мисс.

Кто бы мог подумать, что облик человека может измениться за считанные мгновения: из приличной чопорной женщины – во всклокоченное, растрёпанное существо с безумным лицом, пол которого угадывался только по одежде. Привести её хоть в какой-то коммуникабельный вид удалось с большим трудом, больше всего тут помогла ватка с нашатырём и так ненавидимый пострадавшей коньяк.

– Леди, что же с вами стряслось? – нависая над мисс, в очередной раз пошёл в атаку капитан.

– Призрак!

– Ну, леди, в наш-то просвещённый XXII век... когда космические корабли бороздят просторы космоса...

Но других версий у мисс не было, даже когда она чуть пришла в себя. По её словам, как только она вышла в коридор, там заморгали и погасли лампы, а в загоревшемся красном аварийном свете навстречу вышла женская окровавленная фигура без головы. Красные пятна и подтёки портили явно старинное белое платье. Свою голову в нелепом чепце этот фантом держал в руках.

Немного успокоив несчастную, мужчины под руководством Корины повели её в медицинский отсек. Естественно, в коридоре, освещённом как обычно, никаких ужасов не наблюдалось.

Капитан обратился ко всем с успокаивающими словами:

– Скорее всего, кто-то неудачно пошутил с голограммой, мы разберёмся и пресечём, такого больше не повторится.

Но он ошибся, служба безопасности не смогла ничего сделать. Самые разнообразные привидения стали появляться по всему звездолёту: в коридорах, каютах, рубках, на смотровой палубе, в ходовом ярусе и грузовом отсеке. Тут были дамы в костюмах разных эпох, рыцари в доспехах, джентльмены без доспехов, но в придворных костюмах, короли с коронами, монахи с тонзурами и монахини с крестами, какой-то голубой младенец, детишки самого зловещего вида – да кого там только не было, один из складов облюбовал даже призрак лошади. И всё это... стонало, рыдало, взывало, невнятно требовало и внятно угрожало. Лошадь, естественно, ржала, как лошадь, а что ей оставалось делать? Их видели все: женщины и мужчины, экипаж и пассажиры, а также корабельный кот, реагирующий в таких случаях очень нервно. Спешно смонтированное видеонаблюдение только позволило зафиксировать всё это безобразии. Никаких голографических проекторов не обнаружили. В конце концов, большинство стало привыкать к этому, так как вреда, кроме психического, от призраков не было. Не смогли приспособиться только мисс Стерворс, пообещавшая сойти на ближайшей остановке, и корабельный кот, правда, его никто особенно и не спрашивал.

Но организованная капитаном комиссия по ЧП лихорадочно продолжала попытки разобраться в феномене. На очередное заседание, где-то через пару недель после начала событий, офицер по безопасности Х. Шерлок и привёл свою подчинённую:

– Господа, сержант по безопасности Габриэлла Черч имеет нечто сообщить нам.

Оказалось, сержант долго думала, анализировала и пришла к выводу, что всё это безобразие началось после одного события:

– Видите ли, господа, моя подруга, менеджер по пассажирам Стела Смирнофф, заинтересовалась одним из них в личном плане. Этим

нелюдимым Целхидосом, который ни с кем не общается, никогда не бывает в кают-компаний и столовой, не обедает и не завтракает, а ужин заказывает себе в каюту.

– Да мы про него вообще впервые слышим.

– Нет, в списках он есть, а где она-то с ним познакомилась?

– По долгу службы, принимала на борт и размещала на корабле.

Комиссия в недоумении переглянулась – какое это имеет отношение к событиям, и Х. Шерлок кивнул девушке:

– Продолжайте, сержант.

И сержант продолжила: отчаявшись встретить предмет своего интереса в обычных местах, Стела стала следить за каютой и выяснила, что этот чудак в тёмное время корабельных суток бывает на смотровой палубе и в библиотеке. Там она с большим трудом и познакомилась с ним поближе. Но дело шло туго, и ей в голову пришла идея: обследовав каюту этого Целхидоса, выяснить его интересы, просветиться в них и на этой почве продвинуться в дружбе. Поэтому она попросила сержанта Черч, как работника службы безопасности, имеющую доступ во все помещения, помочь в этом Стеле. Габриэлла долго отказывалась, но...

Тут помощник капитана и непосредственный начальник сержанта Х. Шерлок, грозно нахмурились, но раскрасневшийся капитан махнул в их сторону рукой, мол, потом разберётесь, и велел продолжать.

Габи, пошедшая во время этого рассказа от волнения какими-то бледными пятнами на лице, закончила:

– Перед последним прыжком Стела попросила Корину увести этого Целхидоса пораньше, а мы проникли внутрь и обследовали его каюту.

– И что вы там нашли? – не выдержал капитан.

– Да ничего особенного, из необычного была только довольно большая шкатулка со значком зачёркнутого привидения в красном круге на крышке. Замок на ней считается сложным, но открыть его для специалиста по безопасности...

– Элементарно, – кивнул Х.Шерлок. – И что же там было?

– Там было какое-то внутреннее поле, после отключения которого крышка открылась и... в каюте погас основной свет. При неверном же свете включившегося аварийного... нам показалось, что из шкатулки пополз туман. Я, было, испугалась, но датчик газа не сработал, а потом свет загорелся вновь, туман рассеялся и... нам пора было готовиться к прыжку через «нору».

Все присутствующие недоумённо помолчали, и капитан озвучил всеобщую озадаченность:

– И чем нам это поможет? Что всё это значит?

Желающих ответить сразу не нашлось, но немного погодя Х. Шерлок с запинками озвучил свою мысль:

– Это может означать... что мистические явления – не досужая хрень... а неизвестные пока науке явления природы. Тем более – мы все их видели.

– Что ещё можно ожидать от звездолёта с таким названием? – риторически бросил помощник капитана.

– И что теперь делать?

– Сделать экстренный запрос в Лондон, – предложил Х. Шерлок.

– Вы совсем уже звезданулись?! – немедленно озверел капитан. – Знаете сколько стоит гравитационный инфо-посыл? И что я у них спрошу? Про привидения? Тогда с ближайшей планеты примчатся космо-санитары и зафиксируют нас. Нет, это не выход.

Вся комиссия по ЧП задумалась, и первой мысль пришла в голову сержанта безопасности, которую забыли удалить с заседания:

– Можно купить сжатый блок новостей за последнее время, это общая рассылка и стоит значительно дешевле. Может, на Земле что произошло.

Так как ничего умнее никто не придумал, капитан согласился. Инициатива наказуема и в космосе, поэтому этот поиск поручили Габриэлле Черч, под общим руководством Х. Шерлока.

Не прошло и суток после получения информации, как комиссии пришлось вновь собраться на экстренное заседание. Габриэлла имела сообщить нечто:

– Господа, после нашего отлёта в Англии случилась сенсация, конечно, не такая большая как при катастрофе или природном катаклизме, но имеющая к нам непосредственное отношение. Не только в лёгкой прессе, даже «Таймс» отписалась, хоть и с оттенком курьёзности.

– Давайте, сержант, покороче, – нетерпеливо бросил капитан.

И Габи доложила строго по делу, как по протоколу.

Оказалось, что Великобритания – самое густонаселённое привидениями место на земле, и множество организаций пристально следят за всем этим. Первым забило тревогу шотландское общество по исследованию паранормальных явлений, они очень плотно мониторят сообщения по Соединённому Королевству. Так вот, их обеспокоило долгое отсутствие известий о самом, может быть, известном и необычном призраке Англии – Анны Болейн. Эта очень спокойная при жизни женщина, не захотевшая быть просто любовницей, а мечтавшая стать непременно королевой, для чего пришлось посорить короля с Римом и пустить Англию по колее Реформации, не обрела покоя и после смерти. В отличие от других неуспокоенных душ, она показывается в разных местах Англии. Конечно же, это Тауэр – место, где её обезглавили, чтобы Генрих XVIII смог жениться в третий раз и обзавестись-таки наследником-мальчиком. Там она бродит по коридорам и лестницам, держа отрубленную голову под мышкой, и жалуется на свою судьбу. Ещё чаще её фантом видят в поместье Бликнинг Холл – месте рождения Анны, туда она прибывает в белом, едва светящемся платье на призрачной повозке, управляемой безголовым кучером и влекомой безголовыми лошадьми. Около ворот всё это рассеивается, и дальше она бредёт одна по милым когда-то её сердцу местам. В монастыре Дин Виндзорского графства тоже часто встречаются призрак Анны...

В этом месте капитан потерял терпение и велел Габи оставить все эти подробности для своего дневника, а им доложить голые факты.

Голые факты, добытые дотошными шотландцами и другими обеспокоенными паранормальщиками, оказались таковы: кроме несчастной Болейн, исчез и призрак её кровавого мужа – Генриха XVIII из Хемптон Корт. Оттуда же исчезла и четвёртая жена этого борца за чистоту крови – Екатерина Говард, там её арестовали перед казнью. Пропали все нематериальные обитатели Эдинбургского замка, Данстерского замка, замка Чиллингхэм в Нортумберленде.

Незамковым привидениям тоже не повезло, пропали: «дама в коричневом» поместья Райнхэм Мэнор; «леди в сером» большой лондонской больницы; четырнадцать привидений поместья Сэндфорд Оракс; «чёрная монахиня» Сандра Уайтхед из Английского банка; «человек в сером» театра Друри-лейн, больше никто не видит его, одетого в сюртук, бриджи и треуголку, прогуливающегося по залу или сидящего в одной из лож.

Не миновала эта напасть и самые неаристократические места: деревня Плаксли лишилась всех своих двенадцати призраков.

– Достаточно, сержант! Мы поняли: все призраки Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии исчезли!

– Не все, мой капитан, не все, но многие известные.

– И чем там всё закончилось?

– Обеспокоенная общественность наняла частных детективов, пресса провела свои расследования...

– И!.. – не выдержал и непосредственный начальник сержанта – Х. Шерлок.

– Совместными усилиями они вышли на конторку «Охотников за привидениями», которые признались, что по заказу богатого клиента отловили все, какие успели, знаменитые фантомы Англии. По словесному портрету определили этого заказчика...

– Не тяни! Кто же это?

– Самый эксцентричный миллиардер-анахорет нашего времени, единственный наследник огромного состояния... Целхидос Ананаси! По сведению прессы, он отбыл на арендованную им на сто лет планету в системе Мейдуза...

Тут в командной рубке образовалась немая сцена, которую Стела Смирнофф, будь она тут, с ходу могла бы окрестить – по Гоголю.

Первым пришёл в себя Х. Шерлок, хлебнув чего-то из пластикового графина на столе:

– Надо бы вызвать его для объяснений...

На что очень нервно отреагировал капитан:

– При его возможности сотни раз купить и продать нашу посудину, скорее он может вызвать нас... да и в правилах полётов нет ни слова о непровозе на борту призраков и прочих привидений.

Им на помощь, как и в прошлый раз, пришла Габриэлла:

– Мой капитан, мне кажется, тут нам может помочь Стела... за последнее время она очень подружилась с этим пассажиром.

– Так пригласите её сюда.

Едва попав в рубку, Стела заговорила, даже не дождавшись вопроса:

– Джентльмены, каждому члену экипажа и пассажиру мой Целхи... дос переведёт крупную сумму в космо за причинённые неудобства, сообщите мне только номера счетов. Также вам остаются все не... некроформы. Просто ему было скучно на планете, старая нянька умерла, с людьми он сходитя трудно, вот и хотел населить свои владения этими... Но так как за это время мы подружились... и я согласилась сопровождать его... В общем, вот так. Да, капитан, после той планеты вам понадобится новая стюардесса.

– Это ладно, попросим Корину за двойное жалованье, а вот что нам делать с этими некроформами?

– Господин Ананасис советует вам хорошенько заработать на этом.

– Каким образом?

– Забросить свои грузопассажирские рейсы и переключится на короткие развлекательные круизы. «Звездолёт с привидениями!» «С призраками по Солнечной системе!» Вам даже на рекламу не придётся тратиться. Вот попросите Габи быть коммерческим директором, Целхи обещал помочь ей советами.

– Подумаем.

На орбите планеты, арендованной нелюдимым миллиардером, подруги прощались перед расставанием.

– Габи, успеха тебе с нашим бравым капитаном. И Корине подыщи кого-нибудь.

– Тебе, Стели, тоже всего хорошего, я бы не решилась жить вдвоём на целой планете.

– Думаю, мы недолго будем вдвоём, мой Ананас жаждет продолжения своего рода.

– Прямо как Генрих XVIII, ты там смотри – поосторожнее.

Юрий СОКОЛОВ

Смена времён власти

Сказка для взрослых

Над городом висел изнуряющий зной, что неудивительно для поры, когда Летняя Власть в полной силе. Жара стала невыносимой, и люди, изнывая по ночам в своих бетонных и кирпичных норах, взывали к равнодушному небу: «Доколе же нам быть под Властью Лета? Довольно! Довольно!»

А как хорошо всё начиналось... Ласковое весеннее солнышко, пробивающаяся повсюду молодая травка, планы о поездках в лес по грибы, на рыбалку и на шашлыки. Но теперь, отработав неделю, трудовое большинство могло лишь дотащиться до ближайшего пляжа попить пива.

По вечерам, истекая потом перед телевизорами, люди узнавали о новых и новых достижениях Летней Власть. Плюс тридцать... плюс тридцать пять... плюс тридцать восемь... Приправой к безоблачному небу служил приток горячего воздуха из среднеазиатских стран. Какие тут грибы? Да и доступ в лес оказался перекрыт из-за опасности пожаров.

На подоконниках распахнутых настёж окон за неделю оседало столько пыли и сажи, что на них можно было устраивать грядки. Горячую воду отключили в связи с ремонтом трасс. В городских храмах шли молебны о дожде, но на землю не падало ни капли. Антиклерикалы попеременно связывали молитвенное бессилие Церкви с наличием в собственности у некоторых священников автомобилей «Запорожец», часов с кукушками и секций римского типа. Атака на Церковь имела свои результаты: одного батюшку чуть было не отдали под суд за то, что он задавил восемнадцать купающихся, катаясь на водном мотоцикле.

Всеобщее возмущение Летней Властью росло пропорционально повышению температуры. Чёрт побери, разве нам ЭТО обещали весной? Сколько ещё терпеть?

В Интернете появился сайт под названием «Летняя Власть должна уйти». Националистически настроенные граждане призывали перекрыть приток горячего воздуха из стран Средней Азии. Синоптики успокаивали всех и вся, утверждая, что жара спадёт со дня на день. Знатоки из народа, больше верившие старым приметам, говорили, что этого не произойдёт. Жара будет стоять ещё долго, вздыхали они. Потому что нет причин для её ухода. Лето, понимаете ли... Когда же причины появятся, всё произойдёт само собой. Относительное спокойствие сохраняли только люди состоятельные, заблаговременно установившие в квартирах кондиционеры и имевшие возможность выезжать в свои уютные коттеджи далеко за городом. Они даже добывали себе разрешения на строго запрещённые пикники в лесу.

А Летней Власть не было дела ни до задавленного зноем населения, ни до синоптиков, ни до знатоков, хотя последние и были правы. Но вот подошли времена, о которых те толковали, и грянула Великая Осенняя Революция.

Жара отступила, пошли дожди. Летняя Власть ослабела, и люди начали жалеть об этом гораздо раньше, чем выпал первый снег. Что хорошего в этой Осенней Революции? Грязь, лужи, холодный ветер, быстро остужающий бетонные и кирпичные норы, в которых пока не включили отопление. И хотя Летняя Власть ещё была в своих правах, всё чаще обнажалось то, что раньше она скрывала под своим зелёным покровом. Трава засохла и пала на землю, прибитая непрерывными дождями, выставив на всеобщее обозрение грязные пивные бутылки, сигаретные пачки, использованные презервативы и прочий мусор. Ничто уже не могло скрыть кучки собачьего кала, оставляемые на газонах питомцами состоятельных жильцов из квартир с кондиционерами. Листья опали, и дворникам с мусорщиками пришлось немало потрудиться, чтобы пожечь и вывести на помойки всю ту дрянь, которую оставила после себя Летняя Власть.

Но вот период межсезонья кончился, и воцарилась Власть Зимы. Она пришла – сначала неуверенно, прощупывая город белыми ленточками позёмки. Народ возликовал. Ура! Скоро в лес, на шашлыки, на зимнюю рыбалку! Или на охоту – на зайцев. Но вот ударили морозы, и Зимняя Власть покрыла землю снегом, сковав её холодом, как кандалами. Покрыла и всё – понимаете? Надёжно и надолго.

Подходящие для рыбалки пруды в окрестностях города промёрзли до дна. Охоту на зайцев запретили в связи с малочисленностью популяции. Ничего не оставалось, как сидеть у телевизора и слушать ежедневные бодрые доклады синоптиков о новых успехах Зимней Власть. Минус тридцать... Минус сорок... Минус сорок пять... Ого! Тут не только до леса, до городского катка не добежишь.

И люди изнывали от холода в своих бетонных и кирпичных норах, когда им временами отключали отопление. Но и с рабочими батареями дома бывало весьма прохладно. Сквозь заклеенные бумажными полосками оконные рамы всё равно каким-то чудом просачивалась сажа.

«Да зачем нам это нужно? Да когда это кончится?»

Снег, бывший таким непорочно-белым вначале, почернел от городской копоти точно так же, как от неё чернели листья летом. Редкие оттепели не могли порадовать ничем, кроме гололёда на дорогах. Белые ленточки позёмки, превратившиеся в откормленных снежных удавов, патрулировали улицы, зло швыряя в лица прохожих колючую ледяную крупу. В Интернете появился сайт «Зимняя Власть должна уйти!». Знатки возражали, что Власть Зимы никуда не уйдёт, пока её время не кончится. И что нам толку, если одна власть сменится другой? Воздух в городе чище не станет, поливальных машин у нас не больше, чем снегоуборочных, да и те работают через раз. Как у нас были дырявые бараки и тесные коммуналки, так и останутся; как у нас не было денег, так и не появится. «Вы ничего не понимаете! – кричали на них. – Новая Летняя Власть будет совсем не такой, как прежняя! И, естественно, получше, чем Зимняя!» Относительное спокойствие сохраняли только состоятельные жильцы, у которых стояли обогреватели, пластиковые окна, не пропускающие в квартиры сажу и холод, а также имелась возможность выбраться далеко за город покататься на горных лыжах. Они даже умудрялись пробивать себе лицензии на отстрел малочисленных зайцев.

Но вот подул долгожданный тёплый ветер перемен, и грянула Великая Весенняя Революция. Непобедимые белые сугробы, с которыми не могли справиться ни дворники, ни разбитая техника, съезжились и растаяли, выбросив на всеобщее обозрение то, что так долго скрывала Зимняя Власть. Тут и бутылки, и сигаретные пачки, и использованные презервативы... И, конечно же, кучки собачьего кала, которые понаоставляли повсюду домашние любимцы состоятельных жильцов. Мусорщики, отчаянно ругаясь, вывозили на помойки бесчисленные тонны послезимней гадости. Снова грязь, распутица и вопли «Да зачем нам это было нужно?» и «Доколе?..»

Однако сколько ни тянулось межсезонье, оно закончилось. Повсюду пробивалась молодая зелёная травка. Народ ликовал. Скоро махнём на речку, в лес, на шашлыки, на рыбалку! Состоятельные жильцы отключали обогреватели и проверяли работоспособность кондиционеров. Некоторые и вовсе готовились к переезду в свои загородные коттеджи. Знатки народных примет, у которых денег на кондиционеры не было, запасались вентиляторами.

Дмитрий СЕМЕНОВ

Дизайнер по драконам

Свирепые северные ветры с завыванием кружили по пустынным, обожжённым улицам замка-цитадели Ордена Основания. Только в одной – самой высокой – башне горел голубоватый магический свет. В зале совета магов Ордена шло заседание Совета Магистрата. Впрочем, назвать заседание Советом можно было только с большой натяжкой. На заседании присутствовал пожилой Верховный магистр Мангус и секретарь совета – молодой маг Ари Септим, ученик Верховного магистра. Все остальные тридцать три мага Совета отсутствовали. Одни из них лежали мёртвыми в склепе в Башне Печали, обугленные кости других собирали их скорбящие друзья и родственники, а остальные либо врачевали раненых, либо сами нуждались в помощи целителей. За прошедшую тысячу лет цитадель Ордена Основания не подвергалась такому опустошению и угрозе гибели, как за эти три дня. Последнее, третье нападение Чёрных драконов как всегда было внезапным, и отбить его удалось лишь концентрацией усилий всех магов Ордена. Магистр Мангус, сидевший на базальтовом кресле-троне, только что выслушал сводку ученика о дневном сражении. Магистр был бледен, его длинные седые волосы переплелись с жидковатой старческой бородой, его одежду и волосы, словно снег, покрывал пепел. Пока другие сражались, Магистр лично тушил пожар в библиотеке Ордена. И теперь превращенные в пепел, навсегда утраченные записи десятков поколений магов никем не сдерживаемый ветер разносил прямо по залу Совета.

Слушая доклад, Магистр не проронил ни одного слова, молча смотрел через выбитые витражи в сторону Северных гор, откуда пришла беда.

Ученик Магистра Арии, только недавно прошедший первое посвящение, в силу молодости не разделял пораженческих настроений учителя. Он не стал дожидаться, когда Магистр скажет своё мнение и сам рискнул прервать задумчивость главы Ордена.

– Ваша милость! Господин Магистр, – обратился Ари Септим. – Атака отбита. Два дракона уничтожены, семь ранены. Мы сможем отбить следующую атаку! Разрешите послать Птиц призраков – мы найдём гнездо врага и нанесём ответный удар!

– Ты молод, сынок. Ты ничего не понял. – Магистр покачал головой, его голос стал срывающимся и хриловатым. – Два тысячелетия наш Орден

хранит Храм Основания. Мы – хранители великого наследия Создателя мира, источника магической мощи. Места, откуда началось творение. За эти века были сотни попыток захватить цитадель. Но Орден всегда побеждал. И вот теперь всего полсотни драконов сожгли половину города! К чему были неприступные крепости на перевалах? К чему союз со всеми государствами континента? Враги потеряли десяток, у нас только пропавшими без вести – две сотни! И это на третий день войны! И ты знаешь, почему это произошло? Знаешь? – старый Магистр с укором посмотрел в глаза ученика.

– Их драконы неуязвимы для большинства наших заклинаний. Огненные вихри и молнии даже придают им сил. Но! Мы отстояли всю верхнюю цитадель! Гильдмастер Брунна смог уничтожить двух драконов! Мы можем победить, если соберём все силы! – молодой маг решительно махнул своим ученическим посохом, будто пронзал легендарным «копьем Света» невидимого дракона.

– Гильдмастер Брунна мёртв, как и большинство самых знающих из нас! Мы не смогли победить только из-за того, что утеряти своё главное преимущество, – Магистр замолчал, опустил глаза и тихо продолжил: – Мы не можем пользоваться Даром Создателя. В нас нет его искры. Мы используем великий Огонь вечности, чтобы греть ноги и готовить еду. Но мы ничего не можем принести ни верхнему, ни нижнему Миру. Мы забыли всё! И боюсь, никогда уже не вспомним. – Магистр тяжело опустился на ступени своего трона и склонил голову, по его щеке, предательски блеснув, поползла слеза. – Отступник Мархонт был прав! И горе нам – теперь он не на нашей стороне! А только он, единственный, знал о драконах всё!

– Мы достаточно знаем о драконах! Они имеют магический иммунитет, но сталь их поражает! Мы созовём всех рыцарей континента! Мы проиграли битву, но это не значит, что мы проиграем войну! А изменника Мархонта я лично скормлю его же драконам! – Ари со злостью стукнул о пол своим посохом.

– Мархонт – талантливый маг, может быть, самый талантливый. Он не мог смириться с нашим нейтралитетом. Он хотел действовать. Ты знаешь, Ари, ведь он, как и ты, сирота. Его родителей убили Рухогские пираты. Он хотел многим отомстить за своё девятилетнее рабство и унижения. А мы! Мы его изгнали. Думали, он всё поймёт. А через двенадцать лет он вернулся с непобедимой армией драконов... – старик замолчал, собрался с мыслями и продолжил: – Я думаю, он играет с нами. Он желает, чтобы мы сдались. Если бы он высадил десант из наёмников в первую же атаку, мы уже были бы мертвы. Неужели он и вправду тот Наследник, что достоин стоять на месте, откуда началось творение нашего Мира? – старик пристально посмотрел в глаза ученика.

Не выдержав взгляда учителя, Ари отвернулся. И прошептал:

– Почему мы сами не можем создать драконов? У нас неиссякаемый источник магической мощи! – Голос молодого мага уже был готов сорваться от злости и обиды.

– Мы пытались... почти все маги пытались... – стал оправдываться Магистр. – Наши драконы получались либо безвредными призраками, либо застывшими статуями, одни взрывались, другие рассыпались. Чтобы создать реального дракона, надо его чувствовать, надо его знать и не бояться! Я сам пытался создать дракона, если хочешь, иди, взгляни во внутренний двор, это закованное в железо существо ещё издыхает под тяжестью своего веса.

– У меня получится! – крикнул молодой маг, убегая к portalу Основания.

Через полтора часа Ари Септим вернулся в зал и молча сел в углу.

Магистр Мангус, притворившийся спящим в кресле, решил пожалеть ученика.

– Не расстраивайся! Быть творцом под силу лишь избранным. Та буря, что мы вызвали, утихнет только через три дня. До этого времени Мархонт не приведёт своих драконов. Он их любит и не даст им сломать крылья. Что-нибудь придумаем.

– Брунна предлагал железных воронов и ядовитых пчел, – хмуро отозвался из темноты Септим.

– Вороны? Да как я мог забыть про «Вороний глаз» и договор! – Старик резко соскочил с трона, нажал какой-то скрытый рычаг, и из ниши в столе Магистра выехал небольшой ларец. На крышке блистало рубинами изображение руны «Вороний глаз».

Открыв ларец, Магистр быстро пропел начертанное внутри заклинание. В воздухе блеснул вертикальный красный луч, из которого выскользнул чёрный силуэт, вернее, переливающаяся серебряными бликами тень с неразличимым лицом.

– Приветствую тебя, Магистр Тургрин! Давно ты меня не вызывал, – неожиданно весёлым и молодым голосом произнесла тень.

– Кхе, кхе. Магистр Тургрин умер полвека назад, я его ученик Мангус – новый Магистр Ордена. Ты, демон-Ворон, готов выполнить договор Семерых?

– Конечно, готов! Об оплате договоримся! Так чего ты хочешь от бродящего меж мирами.

– У нас проблемы... Драконы... – начал рассказывать Магистр, но демон его прервал.

– Не надо! Я уже всё понял, твой ученик настолько эмоциональный, что я всё увидел из его мыслей, как в кино.

– Как в «кино»? О чём ты? Что ты можешь для нас сделать? – Магистр начал проявлять нетерпение.

– Делать я сам ничего не буду, как это и изложено в договоре. Я даю знание или его источник. – Демон не скрывал своего весёлого настроения, чем весьма злил переживших не лучшую ночь магов.

– Как я понял, – продолжил демон, – вам нужно создать армию из реальных боевых драконов, т.е. не красивых, не легендарных, не вечных, не мудрых, а закованных в сталь, несущих смерть покорителей небес?

– Да! – хором, не сговариваясь, выдохнули Магистр и его ученик.

– Книгу брать будете? – спросил демон.

– Нет! – тут же крикнул Магистр. И пояснил: – Моему учителю ты подсунул трактат о вечной жизни. И он до конца жизни не смог в нём разобраться! Пусть это будет человек – носитель знаний!

– Жаль, что великолепно иллюстрированный научный труд профессора Артура Браузера 2066 года издания «Стволовые клетки и регенеративные функции человеческого организма при клонировании» никак не помог уважаемому Тургрину. Может быть, мне надо было дать в нагрузку учебник по генетике? – Демон продолжал иронизировать, играя на нервах магов. – Как хотите, есть у меня один должничок в Третьем Рейхе, будет вам «дизайнер» по драконам! – Призрак хлопнул в ладоши, и тут же из красного луча света, в котором стоял демон, выпал вполне реальный мужчина, на вид лет тридцати. Потрёпанный, но вполне живой.

– Теперь за вами должок. До встречи после победы! Я заберу одного из вас, в уплату, – произнёс призрак, прежде чем исчезнуть.

– Надеюсь, оно того стоило.

Старик захлопнул крышку ларца. И подошёл к странно одетому мужчине, сидевшему на полу, Тот тёр свои глаза и, увидев магов, запричитал:

– Гитлер капут! Нихт шиссен! Я не СС, я не нацист! Я есть сдаюсь!

Ругер Пруст, действительно, не был членом Национал-социалистической партии Германии. Его единственным увлечением были самолёты, планеры и в последнее время реактивные двигатели. Ругер проработал несколько лет в Германском исследовательском институте планеризма в качестве инженера у известного конструктора фирмы «Мессершмитт» Александра Липпиша. После успешных испытаний реактивного истребителя-перехватчика Мессершмитт ME-163 «Комета», в разработке которого Ругер принял непосредственное участие, он попал в число экспертов по «чудо-оружию» и с 1944 года входил в комиссию по приёмке на вооружение новых образцов реактивных самолетов. В конце февраля 1945 года Ругер Пруст был внезапно вызван в личную ставку маршала Геринга в городке Верниховен, недалеко от Берлина. И когда прямо с аэродрома неизвестные люди увезли его в какой-то замок и бросили в подвал, Ругер решил, что был похищен охотими до военных секретов американцами или русскими. Похитители в чёрных кожаных плащах молча пихнули Пруста в тёмную комнату. А когда резко зажёгся свет, он оказался в странных апартаментах, где на него угрюмо смотрели два странных типа. Одеты они были, как в театре, в непонятные балахоны, совершенно не говорили ни по-немецки, ни на английском и даже не отзывались на русский. Похожие на астрологов незнакомцы долго что-то объясняли Ругеру. Махали руками, рисовали картинки. Ругер ничего не понимал, только кивал и сквозь ужас вымученно улыбался. В конце концов, пожилой незнакомец долго совершал загадочные манипуляции возле своего высокого кресла. И в голове Ругера, вызывая мигрень, прозвучал голос:

– Ты меня понимаешь? Ты мастер по драконам? Ты можешь создать стальных защитников небес?

Ругер торопливо ответил, правда, голосом, а не мысленно:

– Я создавал планеры с 1932 года. Для военно-воздушных сил работал с 1936 года, строил перехватчики и истребители, немного знаю про штурмовики...

Бородатый старик кивнул своему молодому коллеге и сказал:

– Теперь мы друг друга понимаем, похоже, он может нам помочь. Сынок, у тебя сутки, чтобы добиться результата. Покажи ему наш «зверинец», мы должны знать, где наши ошибки.

Ругер Пруст прекрасно понял слова старика, хотя их смысл до него не дошёл.

Уже во второй половине дня Ари переживал аналогичные ощущения от разговора с чужаком. Два часа «дизайнер по драконам» изучал плоды экспериментов Ордена по созданию драконов. И когда он сделал свои выводы, Ари ровным счётом не понял и половины.

– Ну, вы даете! – говорил Пруст. – Даже у Отто Лилиенталя планеры были в десятки раз лучше! Что за монстры? Как они могли летать? Никакой аэродинамики! Взлётная масса не соотносится с площадью крыла! Про скороподъёмность я вообще промолчу. Никакой симметрии! Ну, где тут лонжерон центроплана? Где триммер руля высоты? Какая тут конструкция – монокок? А почему рули высоты не уравновешены ни статически, ни динамически?

– Хватит задавать вопросы! Я не знаю, что тебе ответить. Сам объясни! – вспылил Ари.

– Ну, попробую. Значит, для устойчивого полёта берём крыло большого удлинения, состоит оно у нас из центроплана и двух отъёмных частей! Центроплан соединяем с гондолой и хвостовыми балками. Крыло проще сделать с тремя лонжеронами и работающей обшивкой. Здесь будут элероны, а здесь щитки-закрылки. – Пруст чертил на земле какую-то решётку.

Септим потерял терпение, он понял, что человек действительно понимает в летающих тварях, но вся терминология от него ускользала. И он прервал объяснения Пруста.

– Ты сам видел то, о чём ты рассказываешь?

– Конечно! Я помогал в разработке Юнкерса-248 и четыре месяца провёл на заводе фирмы в Дессау! И присутствовал на испытаниях большинства новых самолетов Рейха!

– Тогда вспомни своих драконов.

Молодой маг настроился на приём мыслеобразов. И от потрясения присел на землю. Картинки воспоминаний авиаконструктора оказались необычайно чёткими, подробными и чрезвычайно жуткими в своей нереальности. Всего за несколько минут Ари увидел череду громopodobных стальных птиц, выкруживающих в небе невообразимый танец, обменивающихся стальными стрелами и громом. Они были хозяевами неба, они были непобедимы! Это были не те драконы, каких себе представлял молодой маг. Чужие, но невообразимо красивые и хищные, в них струилась мощь, сила и агрессия. В них чувствовалась будущая победа.

Но долго наслаждаться предвкушением успеха Ари не удалось. Он неожиданно понял, что облака тумана, окутавшие твердыню, рассыпаются с невообразимой скоростью. Яркое солнце заиграло бликами на куполах башен и вдали на горизонте, над северной горной грядой, зачернело множество точек, означавших только одно – Мархонт вёл в очередную атаку своих драконов. Отчаяние, как удавка, перехватило крик молодого мага: «Мы не успели!» – но тут же внезапное прозрение дало Ари новую надежду. Он схватил Ругера за руку и буквально потащил его за собой в сердце цитадели – к Порталу Основания.

Ругер не понимал поступков молодого мага, чего именно он так сумбурно и эмоционально добивался от авиаконструктора. Зачем надо было вставать на этот странный кусок базальта? Оттуда было плохо видно нечёткие очертания напугавшей парня угрозы. Чёрные точки – это что, бомбардировщики? Но почему нет сирен воздушной тревоги? И тут взгляд Ругера Пруста встретился с глазами Ари, и Ругер прочёл в них все ответы. Перед мысленным взором конструктора промелькнула поразившая его картина. Чудовищный рёв, грохот рушившихся зданий, стена огня, крики сгоравших заживо людей, скрежет и омерзительный запах гари. О боже, как это было ему знакомо. Три раза Ругер попадал под массированную бомбардировку союзников. Последний раз в Берлине. Ругер вспомнил весь ужас ожидания смерти в бомбоубежище. Снова ощутил толчки взрывов над головой. Вой сирен, не заглушающий вопли женщин и детей, жавшихся друг к другу в затхлых и душных укрытиях. Руины и пожары, в которые превратился его родной Дрезден.

Ругер понял, чего хочет молодой маг. Да этого же хотел и сам Ругер – остановить вражеские бомбардировщики. Остановить – во что бы то ни стало! Ругер закрыл глаза, он ощутил каждой клеткой тела, что от грубой базальтовой платформы в него входят потоки незнакомой ранее энергии. Переполняемый новыми ощущениями, Ругер громко закричал: «Лютфтваффе, вперёд!» – и отдался подсознательному импульсу своих желаний...

Он сидел на коленях, закрыв глаза, его устремлённую вперёд правую руку сводила судорога, он не видел, но чувствовал каждым сантиметром кожи, как над ним эскадрилья за эскадрилей, правильными клиньями в направлении растущих чёрных точек устремлялись звенья реактивных истребителей «Мессершмитт» – Me-163, Me-262 и существовавших только в проектах перехватчиков P-1101, «Фокке-Вульф ТА-183», «Хейнкель-162», «Хейнкель-178» и других... Вся мощь превратившегося из мечты в реальность «чудо-оружия» погибшего Третьего рейха... Одушевлённые, не нуждающиеся в пилотах самолёты, по волшебству обрели плоть, уже в другом небе и стали жить в нём как живые существа...

Магистр Мангус, не отрываясь, следил из окна башни за воздушной битвой. Исход схватки был решён уже через десять минут. Серебристые крестоносные птицы-драконы властвовали в небе. Их натиск был быстр и ошеломляющ. Как стрелы, они легко прорывались сквозь клубы драконьего огня, чтобы на обратном витке поразить издали пламенными стрелами

драконов и их всадников. Грохот, лязг и стрекот металлического смертоносного дождя заполнял все небо. Вопли драконов заглушались рёвом разрывов. Расчерченное дымами небо трещало в огненных вспышках и искрах. Магистр давно забыл о магии, он просто смотрел на эту битву. И до его сознания стало доходить, что известный ему мир с этого времени необратимо изменится. А в душе заняло злое предчувствие.

– Если эти стальные птицы так легко сокрушили чёрных драконов, какие плоды принесёт их победа? – Магистр задумался. Он не обратил внимание, что на его столе сам собой открылся ларец «Ворона – бродящего меж мирами».

– Гхе, Гхе! Извините, Магистр! Я пришёл за означенной платой. Примите мои поздравления! Вы с блеском победили! Видел бы маршал Геринг этот бой! Он, бедняга, так и не увидел своих «птичек» в деле! – издевательски шуточный тон демона никак не вязался с пафосом момента.

– Ты пришёл за мной? – тихо спросил Магистр. – Ты внёс в наш мир чуждую магию. И теперь хочешь забрать последних знатоков нашей?

– Нет, что вы, Магистр! Я сторонник равновесия! – рассмеялся демон. – И уж коли я забрал из мира технологии их гения, я должен это компенсировать! Не скрою, я, действительно, стал причиной изменения правил вашего мира. Но теперь я должен сделать аналогичное и в том мире! Я возьму вашего ученика. Он очень изобретательный малый! В мире, откуда родом «дизайнер по драконам» Ругер, просто ужасно не хватает людей, разбирающихся в магии! У меня намечается контракт с одним издательством. А из Ари получится просто замечательный писатель в стиле «Фэнтези»...

Александр ФЕДОРОВ

Домовой

Деду снова не спалось. Старик тяжело дышал, ворочался на печи, незримые нити давили грудь. Родная большая и горячая печь грела тело, но не могла влить огонь жизни в старую кровь. Дед перевернулся на левый бок и громко закашлял, вторую седмицу донимала простуда: пол в доме подгнил, из подпола тянуло сыростью и холодом.

Дед давно чувствовал приближение смерти, но совсем не боялся. За длинную жизнь успел набояться. Боялся неурожая, боялся тиуна, боялся хазар. И только сейчас, немощный и больной, неспособный встать с печи, понял, что боялся зря. «А чего боялся-то? Сам не пойму. Вот за лапти, в которых похоронят, пока не сплёл, можно было бояться, да и то. А раз сплёл, так и бояться больше нечего», – старик даже улыбнулся.

В подполе завозились мыши. Дед закашлялся. Кашель, словно воронье карканье, вырвался из груди. Услышав хрипы, проснулась Лялечка. Девочка беспокойно заворочалась в колыбели. Ребёнок окончательно проснулся и заплакал. Правнучка всё время болела, плохо спала: сырой дом душил и её.

Дед попробовал встать, нужно успокоить ребёнка. Трясущиеся руки упёрлись в камень печи. Сил не хватало, дед упал на одеяло, тяжело дыша. По щеке прокатилась бессильная слеза.

«Щас, внученька, щас, милая, вот отдохну чуток, наберусь сил и покачаю колыбельку, ты только не плачь, а то мамку разбудишь, а она и так усталая в поле целый день работает, чтоб нас прокормить», – дед говорил еле слышно, надтреснутый голос то и дело перебивался хриплым дыханием. Старик перевернулся на спину, продолжая бормотать: «Сейчас, милая, всё сделаю, отдохну чуток только». Ребенок, и правда, затих. Дед улыбнулся и прикрыл глаза. Грудь с трудом опустилась, выталкивая из лёгких воздух, и больше не поднялась.

– Ну, здравствуй, Олекша, – раздался низкий мужской голос. В словах отчётливо слышалась скрытая сила и мудрость.

– Кто здесь?! – дед открыл глаза и легко сел на печи. В горнице на первый взгляд так ничего не изменилось, не считая невестку как взявшегося посреди комнаты статного седого мужчины. Пришелец опирался на резной посох и ласково улыбался.

– Я за тобой, Олекша, пойдём.

– Куда? Ночью-то, – голос дрогнул, дед ошалело завертел головой и только сейчас увидел самого себя лежащим на печи без движения. На мёртвом лице застыла спокойная улыбка, глаза неотрывно смотрели в потолок.

– Ну, ты прям как дитё, – пришелец улыбнулся и продолжил: – Помер ты, Олекша, нет жизни больше в твоём теле, один дух остался, и ему здесь делать больше нечего.

– Вот оно значит как... Эх, предупредил бы, что ль. Я бы в баньку сходил, рубаху поновой одел бы. Лапти же опять связал, а обувь не успел. А то ведь им меня и мыть, и одевать придется. А как же Лялочка? Как я Милу брошу, Ратибор с похода так и не вернулся... – запричитал дед. Он настолько свыкся со смертью, что теперь интересовался лишь жизнью родичей.

– Чего разнылся, без тебя всё знаю. Пойдём, до рассвета успеть надо, по зоре на Троянову тропу станем, а там Вирий недалёко. На тропе всё расскажу, всё без утайки. Теперь не томи душу, пошли, я тебя как старший прошу.

– А Лялочка-то как? – чуть не плача воскликнул дед.

– Спит она. До утра добрые сны видеть будет, я Дрёму принёс.

– Вот за Дрёму спасибо, – дед соскочил с печи, легко и бесшумно прошёлся по комнате, остановился возле родовича, пристально разглядывая гостя. На глаза попалась связка колосков пшеницы, притороченная к поясу. Основатель рода был когда-то знатным жнецом, за что его прозвали Колосом, – вспомнил Олекша.

– Колос? – неуверенно спросил дед.

– Признал, значит, старшего в роду-то, – улыбнулся Колос.

– Признал, спасибо за честь оказанную, что пришёл за мной, – дед в пояс поклонился основателю рода. Олекша легко разогнулся, спина совсем не болела. Дед твёрдо посмотрел в глаза родовичу, губы чётко произнесли:

– Я не пойду.

Колос нахмурился, вдоль лба пролегла морщина.

– Не буду уговаривать, по глазам вижу – упрямый ты, но смотри, осерчаю, – в глазах Колоса сверкнула молния. – Помни, один на Троянову тропу ступить не сможешь, тяжёл ты больно для неё.

– Воля твоя, но я останусь, не могу их бросить. Мила в поле работать будет, а за ребёнком, за хозяйством кто присмотрит? – дед приободрился.

– Ты можешь остаться. Есть такое право. Тогда душа с домом сроднится. Станет дом вместилищем твоей души. Уже решил?

– Да, – твёрдо ответил Олекша.

Колос задумчиво прошёлся по комнате, легко проходя сквозь лавки и стол. Подошёл к печи, ласково провёл ладонью по голове Милы. Прясть волос примялась под призрачной рукой. Женщина вздрогнула во сне, задышала ровнее, губы расслабились и разошлись в стороны.

Колос заглянул в колыбель: девочка тоже улыбалась во сне, Дрёма постарался на славу. Основатель рода обернулся к замершей душе Олекши:

– Прощевай, Олекша, отныне это имя тебе не принадлежит. Может, ещё свидимся, но это как Род трисветлый даст. Береги их, – уже тише добавил Колос.

Светало. Сквозь щель в ставнях проник первый лучик света. Колос подошёл к окну, нога в красном сапоге опустилась на лучик. Основатель рода встал на тропу Трояна. Могучая фигура становилась всё прозрачней, пока совсем не растаяла, оставив в горнице запах пшеничных колосьев.

Дед пробормотал вслед:

– Лёгкой дороги.

«Времени мало, скоро Мила проснётся, а забот полон рот», – замелькали мысли в голове. Дед с удивлением ощутил, что помолодел лет на пятьдесят. В руках снова появилась сила.

Дом необъяснимым образом стал огромным. Дед до ушей улыбнулся сквозь мигмом отросшую густую бороду.

– Хехех! Я ведь теперь ростом чуть больше Ляльки, но это ничего, так, наверное, даже и сподручней. Ого! Совсем светло стало, пока Мила не проснулась, надо бы хоть пол подмести, – забубнил под нос дед.

Новоиспеченный домовый задвигался по дому, как маленький ураган, сметая мусор, вытирая пыль и копоть. Дед едва успел выгнать из-за печи усатых тараканов, как проснулась Мила.

Время выбирать

Каждый оказывается здесь. Каждый делает выбор, осознано или по наитию – не важно. Выбор должен быть сделан. Отказ выбирать – тоже выбор.

Страх. Когда тело не слушается. Бессилие. Чёткое осознание того, что ничего изменить нельзя. Полная раздавленность. Бытие, как истлевшая

бумага, рассыпается в ладонях. Даже кружку с чаем нельзя удержать. Слабость. К чёрту всё и забиться в тёмный угол.

Ужас, когда остаёшься один на один с мраком. Тьма вокруг, тьма внутри. Страх такой силы, что ещё чуть-чуть – и помутится рассудок. Ещё немного – и не выдержать перенапряжения. Душа уйдёт далеко-далеко, туда, куда разум человеческий не в силах проникнуть. Останется пустая человеческая оболочка с исковерканной психикой. Пустой взгляд, слюна, ниточкой протянувшаяся из угла губ, бессвязные звуки, рефлекс. Вместо человека – обрывки чужих воспоминаний в океане безумия. Страшно. Не страшней ли смерти?

Разум – дырявый парус. Слишком слабый, слишком ненадёжный. Ветер крепчает, лезет в прорехи, делая их шире. Рваная тряпка разума трясётся как сухой лист, а буря только приближается. Нужно бежать от ветра. Бежать вперёд, дальше, пока ураган далеко.

Сил нет. Подкосились колени. Тело сдавлено ватным прессом безысходности. Самое страшное – это «не понимаю».

Рано или поздно оказываешься у пропасти, бесконечного обрыва, где на дне плещется мрак, видевший ещё рождение вселенной. Что-то неведомое непонятное подводит тебя ближе и ближе к краю. Чуть-чуть, и носки ботинок нависнут над бездной. Нельзя закрыть глаза. Нельзя смотреть в сторону. Так можно было делать раньше, но не сейчас. Пришло время заглянуть в глаза тьме. Остаться один на один с «не понимаю». Шагнуть в пропасть – значит проиграть. Один шаг в пустоту – и оборвутся все нити, связующие тебя с реальностью.

Дороги назад нет. И никогда её не бывало. Впереди безумие. Впереди – «не понимаю». То, что за гранью разума.

Блики на пластике гермошлема. Тело защищено скафандром. Воздуха на шесть часов. За белой защитной тканью – вакуум. Ничто с температурой минус сто девяносто по Цельсию. Можно махать руками и ногами. Закрутиться в пустоте. Можно кричать. Рвать глотку. Кричи. Ещё громче, в горле хрипит и клокочет. Всё. Голос сорван. Хочется пить. От крика болят уши. Никто тебя не услышал. В космосе нет звуков.

Вверху, внизу маленькие светящиеся точки – звёздочки. Протяни ладонь – на пальцах заплещет весёлый огонек. На самом деле пальцы играют с пустотой. Вытянутая вперёд рука, растопыренная пятерня в белой перчатке. До блестящих точек – парсеки. Это такая жуть расстояния, что её бесполезно пытаться представить. Лучше думать о том, как огонёк пляшет на пальцах. Укуси губу до крови. Больно. На язык попала тёплая солоноватая кровь. Этот сладкий миг боли.

Только боль всегда с тобой, она как старый друг, знакомый и понятный. Но нельзя жить одними друзьями. Здесь ты один. Каждый вдох – бесценное сокровище. Кричи. Не хочется умирать. Ты не потеряешь сознания. Мерцают звёзды. Между тобой и мраком только тоненькая прослойка скафандра.

Объятый ужасом, я бежал по бетонному лабиринту. Меня вёл инстинкт – то чувство, что уводит загнанного зверя от погони. Одинаковые стены с

простеньким орнаментом, очень светло. Такое чувство, что бежишь по хирургическому столу. Время здесь течёт по-своему, то ускоряется, то замедляется. Оно как в кошмарном сне, только с одним отличием – здесь нельзя проснуться. Как бы быстро ни мелькали перед глазами повороты, спуски-подъемы – погоня не отстаёт.

Душный, липкий воздух, вязнешь в нём, как в киселе. Покалывание в боку нарастает. Боль мешает вдохнуть. Мышцы на ногах дрожат от усталости. Стоять нельзя, а значит – бежать.

Тупик. Воздуха на вдох. Время делать выбор. Дыханье безумия приближается, и отступать больше некуда. Следующий шаг швырнёт меня в пропасть. Я должен делать выбор.

Большой зал. Мягкий свет льётся отовсюду. Много камней вокруг. Большие и маленькие. Нет двух хоть немного похожих. Грубые глыбы соседствуют с ровно отёсанными, тщательно отполированными алтарями. На каждом лежит нечто – символ. Ключ, открывающий меня для другого мира, ключ, открывающий другой мир для меня.

Смотрю на первый камень: серебряный крестик на льняной веревочке. На другом – ворон, в клюве ожерелье из клыков и когтей. Третий камень – ничего. Смотрю пристальней и понимаю – на третьем камне покоится пустота. Дальше. Учебник физики: толстый, с жёлтыми страницами и потёртой обложкой. Год издания затёрт. На соседнем – карта Гипербореи, и дальше ещё и ещё камни и символы.

Никогда ещё я не мыслил так точно и ясно. Я увидел все камни. Все, что доступны мне. Они встречались раньше. Пришло время делать выбор.

Дрожащие пальцы коснулись крестика. Шершавая верёвка царапнула кончики ушей. Почти невесомый крестик коснулся груди. Выбор сделан.

– Верую! Искренне и без страха.

На пути погони встал ангел в сверкающих латах. Пылающий меч преградил путь безумию. Обретённая вера стала щитом.

Время делать шаг. Ступня опустилась на камень моста. Над пропастью возник мост. Путь вперёд свободен.

Бесконечность космоса, этот ужас подобрался совсем близко. Почти кончился воздух, но меня подобрал космический корабль. Дышать.

Очнулся дома. Часы сказали, что не прошло и минуты. Я выбрал.

Владимир Краснопеев

Ришикеш

– Сэр, откройте пожалуйста! Сэр! – толстяк-портье снова стучится в мою комнату и, судя по всему, он настроен уже достаточно решительно. Презрение к очередному съехавшему с катушек туристу причудливо сочетается в его голосе с вьёвшимся в мозг уважением к белой расе, жаждой денег и страхом перед любыми проблемами, потенциально ожидаемыми от

запершегося в своём номере иностранца. Но я игнорирую его крики и продолжаю писать, лихорадочно покрывая блокнот уродливым почерком человека, почти отвыкшего от необходимости фиксировать свои мысли без помощи электронных устройств. Продолжаю писать – пока ещё могу.

Думаю, стоит начать с одного из тех многочисленных дешёвых гестхаусов Ришикеша, названия которых через пару дней после отъезда сразу вылетают из головы. Возможно, это был «top view hotel» или «ganga guesthouse» – не важно. Стоял он на пригорке рядом с мостом Лакшман-Джула, но не слишком высоко – ровно настолько, чтобы из некоторых окон виднелся соблазнительный бочок сбегающей с окрестных гор молодой резвухи Ганги.

Вечером на потрёпанных диванчиках и креслах во дворике геста по обыкновению собирались нагулявшиеся за день, но стремящиеся к продолжению банкета бэкпекеры и пара-тройка случайно затесавшихся среди них уважаемых туристов, явно чувствовавших себя не в своей тарелке в этой расслабленной атмосфере чилаута. Атмосфере, до краёв наполненной разноязыкой болтовнёй, брэнчанием гитары и ароматными клубами вездесущего местного чараса – всего того, что привлекает таких как я в подобного рода местах.

Во мне уже к тому времени плескалось изрядное количество местного нелегального алкоголя, купить который в здешних краях можно только из-под полы, поэтому момент, когда я познакомился с Хесусом, совершенно не задержался в моей памяти. Помню только, что в нашей компании сперва был ещё кто-то, мы много курили, смеялись, спорили о международной политике и показывали друг другу карточные фокусы. Но ближе к ночи публика потихоньку стала рассасываться, и под конец мы остались четвером – стойкие оловянные солдатики бестолковой армии бродяг, заполонившей в последние годы дороги полуострова Индостан.

Хесус, заядлый путешественник-аргентинец, до слёз смеялся над моим плохим испанским, а девушки, прилетевшие недавно с туманного Альбиона, подтрунивали над нашим с Хесусом английским. Одна из них, худенькая и рыжая, была похожа на героиню из «Пятого элемента», и мы окрестили её Лилу; а вторая, весёлая болтушка-брюнетка с афрокосичками, откликнулась на имя Рита. Через пару часов мы уже были без ума друг от друга во всех смыслах этого слова, что естественным образом вылилось на следующий день в совместную утреннюю прогулку до ближнего водопада. Ещё через день прогулка стала традиционной, и вскоре мы обнаружили себя проводящими вместе практически всё наше, казавшееся бесконечным, свободное время.

Я просыпаюсь от криков обезьян и шума дизельного генератора – похоже, в городе опять проблемы с электричеством. Огромный пропеллер на потолке мерно крутит своими потрёпанными крыльями, гоня по комнате густой и влажный воздух гималайских предгорий, а на затёкшем плече посапывает, улыбаясь сладким утренним грёзам, обладательница афрокосичек. Я осторожно освобождаюсь из её сонных объятий, сажусь на край кровати и внезапно понимаю, что именно этот момент будет теперь моей первой ассоциацией на слово счастье.

К заброшенному ашраму Махариши Махеш Йоги, повидавшему в середине прошлого века множество знаменитостей (в том числе и нежно любимых мною битлов), мы отправились с самого что ни на есть ранья. Встречные бродячие коровы смотрели на нас с удивлением, а зевающие утренние торговцы наперебой предлагали стать их первыми покупателями, расхваливая пёстрые развалы со всякой всячиной, которую так приятно перебирать и рассматривать, но редко хочется купить.

Дороги никто из нас толком не знал. Разумеется, это лишь повышало наше настроение, превращая обычную прогулку в приключение, наполненное узкими переулками, заборами со свастикой, седовласыми старцами, помойками, обезьянами и ещё тысячами прекрасных и удивительных вещей. На протяжении пары часов каждый из нас кого-то фоткал, насвистывал, рассказывал истории или просто дурачился. Но вскоре скутеры, дома и асфальт уступили место деревьям, ручьям и тропинкам, одна из которых привела к выросшей посреди леса замшелой каменной кладке внушительной когда-то ограды.

– Похоже на то, что мы ищем, – сказала Лилу, присматриваясь, где бы лучше вскарабкаться. – Я видела фото – один в один.

– *Cara mía por favor*, – даже подсаживая её, Хесус умудрялся выглядеть неотразимым аргентинским мачо, вызывая у меня в глубине души смутное чувство зависти.

– А может поищем вход? – неуверенно начал я, но, тут же ощутив несоответствие этого вопроса здоровому духу авантюризма, ринулся на помощь Рите, которая уже с энтузиазмом приступала к штурму возникшей перед нами преграды.

По ту сторону стены нашим взорам предстал очень запущенный, но когда-то, видимо, довольно шикарный сад. Под листьями и ветками просматривались плиты дорожек, лианы оплетали серые остатки декоративных клумб, в которых до сих пор прекрасно себя чувствовали незнакомые мне цветы, а вдали сквозь деревья просматривались контуры каких-то сооружений.

Лилу убежала вперёд, и, подойдя ближе, мы увидели её взобравшейся на конструкцию довольно странного вида. Больше всего это напоминало покрытую мозаикой из небольших плиток пятиметровую половинку яйца, с аркой прохода посередине и лесенкой из металлических прутьев, ведущей на верхушку.

– Тут таких вокруг целая куча! А сверху есть отверстие, в него можно спуститься, но сперва сфоткайте меня кто-нибудь! – с гор подул ветерок, и на миг мне показалось, что эта рыжая фигурка сейчас замашет руками и улетит. Но этого не случилось, и мы ринулись повторять её подвиг во всех возможных вариациях.

Большинство «яиц» выросло прямо из земли, но некоторые, чья плитка была особенно гладкой и замысловатой, покоились на крышах приземистых зданий, густо покрытых трещинами и вездесущей растительностью. В одном из таких зданий я насчитал целых три этажа и решил, не размениваясь на мелочи,

проверить его многообещающую крышу. Скалолаз из меня аховый, но, к своему удивлению, через несколько минут я уже махал друзьям руками, стоя перед прекрасной половинкой яйца-гиганта. Плитки его мозаики отливали перламутром, а отполированные прикосновениями многих ладоней перекладки лестницы как будто просили их потрогать. Конечно, я не мог удержаться.

Аккуратно переступая, я спускаюсь в полумрак того, что, видимо, являлось когда-то помещением для медитаций. Доски пола жалобно скрипят, когда я сажусь, скрестив ноги в жалкое подобие «позы лотоса», и смотрю через отверстие в потолке, из которого только что спустился, на круглый синий кусочек гималайского неба. Окружающие звуки стихают, и меня охватывает чувство спокойствия и умиротворения, длящееся пару бесконечно долгих ударов сердца. На третьем ударе я понимаю, что рядом со мной кто-то есть. И мне становится страшно.

Я шёл по обочине дороги в сторону города, и редкие проезжающие ночные мопеды то слепили меня светом своих фар, то светили в спину. Чувство было такое, как будто меня кто-то долго жевал или стирал в стиральной машине. Одежда была то ли в грязи, то ли в крови, очень хотелось курить, спать и вспомнить, что я здесь делаю. Каким-то чудом в темноте я нашел свой гест, ввалился в номер, запер дверь на засов, доковылял до ванной, разделся и встал под душ. А потом заглянул в зеркало.

– Сэр, я только что вызвал полицию! Нам придётся сломать дверь, если вы не откроете! – я на миг отвлекаюсь от блокнота, и дешёвая пластиковая авторучка опять падает из моих неуклюжих лап с чёрными матовыми когтями. Голос этого человека неприятен, но его желание попасть в комнату вызывает у меня смех. Я смеюсь, и он замолкает. Плохо помню, зачем я запираю дверь, но думаю, что теперь уже можно её открыть. Теперь уже можно.

Евгений ГРИГОРЬЕВ

Звёздам числа нет

Жалкое зрелище. Нигде я ещё не видел такой разрухи. Кругом развалины, руины. Дома без окон, с покосившимися стенами, с разрушенными стенами, сравнявшиеся с землей. Обломки и пыль. На земле, в воздухе, в каждой поре тела. И комбинезон, и волосы уже не искрятся серебром, а, кажется, утопают в пыли. И растения. Кругом и всюду – куда ни кинешь взгляд – растения. Трава, деревья на земле, на камнях, сквозь асфальт, сквозь стены некогда высоких зданий.

Помойка. И надо же было сломаться около этой, чёрт бы её побрал, планеты! Даль обратно зашёл в «скорлупу» и задраил люк. Через узкий коридор он прошёл в рубку и ещё раз просмотрел данные монитора... Безнадёга. И беспомощный, как младенец. Сиди и жди пятьдесят два часа, пока его не соизволит выволить отсюда буксир. И надо же было сломаться около этой, чёрт бы её побрал, окраины галактики! Сиди и

жди... пока придут твои вожди – вспомнилось ему вдруг. Даль начал скользить по своей памяти, вспоминая, где и когда он это услышал...

Из полудрёмного состояния его вывел какой-то стук. Неестественный в этой среде, в которой жить могут, разве что, крысы. Это был не просто стук. В этом стуке угадывался какой-то ритм, мелодия. Даль переключил монитор на камеры внешнего слежения.

Вот он. Какой-то старик бил палкой по корпусу «скорлупы». Невысокий. С шапкой седых волос и бородой-лопатой. Морщинистое смуглое лицо. В светлой широкой рубаше и широких штанах, заправленных в голенища высоких сапог. Но не грязный. Кто он? Откуда он? Чего ему от меня надо?

Даль надел перчатку с парализатором и открыл люк. Старик перестал стучать. Он заулыбался и начал говорить на непонятном языке, поминутно оглядываясь и показывая пальцем в восходящее жёлтое солнце.

– Кто ты? – спросил Даль, пытаясь одновременно решить два вопроса.

У старика удивлённо поднялись брови. Он что-то проговорил, потом ещё что-то, потом замолчал и потупил взгляд.

Даль повернулся и пошёл в рубку. Всего лишь абориген. Чудом выживший дикарь. Или не чудом? Даль выругал себя за халатность. А если засада?! Говорит и оглядывается постоянно – точно засада! Даль включил тепловые датчики и осмотрел периметр. Мелочь всякая. Никакой засады. Впрочем, в той стороне, куда указывал старик, было несколько крупных животных и одно поменьше. Даль отыскал то, за чем пришел в рубку, и пошёл обратно. Люк он, конечно же, оставил открытым. Ротозей! Олух! Но старик стоял на прежнем месте, впрочем, палку он так и не выбросил.

Даль осторожно подал старику ракушку-наушник и оттопырил своё ухо, показывая, как нужно её подвешивать.

– Хорошо слышно? – спросил он, когда старик подвесил себе ракушку на ухо.

Брови старика взметнулись вверх, затем он расплылся в улыбке.

– Как хорошо, что ты прилетел. Теперь мы заживём по-другому. А я живу вон там, за развалинами. У меня там свой дом и поле. Корова есть, лошадь, собака. Она, правда, старая уже – слышит плохо и видит...

Даль понял, что старик повторяет всё сказанное ранее да по несколько раз. Старик, по-видимому, сошёл с ума. Но, вроде бы ничего, безвредный старик. Чудаковатый малость, но сейчас много таких чудаков, где их только ни встретишь.

– А я, – продолжал старик, – так растерялся, когда увидел, что ты меня не понимаешь. Я так долго готовился к этой встрече, но почему-то мне никогда не приходило в голову, что мы будем говорить на разных языках, а тут вот... И растерялся...

– Кто ты?

– А, я же совсем забыл представиться! Зови меня – Семён. Так долго не был в обществе людей. – Старик протянул правую руку.

– А я – Даль. – Даль хлопнул старику по протянутой ладони. – Откуда ты здесь, Семён?

– Как – откуда? А я здесь всю жизнь жил, и отец здесь жил, и дед жил. Пойдём ко мне. Я тебе дом покажу. Так долго не был в обществе людей, хочется столько сказать. Пойдём ко мне. Ты и голоден, наверное. Пойдём. У меня дома овощи свежие, мясо копчёное, браги фляга.

– Пойдём, пойдём. – Далю самому стало интересно, да и не сидеть же двое суток взаперти...

– Как хорошо, что ты прилетел. – Старик шёл впереди, опираясь на свою палку. – А вот и мой дом. Хороший дом, крепкий. Его ещё мой дед строил. Здесь баня, дровник, углярка. Вот коровник, вот свинарник, но он сейчас пустой. Борька – хряк – на прошлой неделе мину откопал, так что башки не осталось.

– У вас тут что – война была?

– Ну да. Тому, правда, уже много лет минуло, но мины нет-нет да попадают. Пойдём в дом. Борьку поедим. – Старик рассмеялся собственной шутке. – Ты ведь голоден, наверное.

– Как хорошо, что ты прилетел. – Старик поставил посреди стола подсвечник с зажжёнными свечами. А вокруг начал расставлять блюда с фруктами и копчёными борькиными окороками. – Теперь мы заживём по-другому. Жаль только вот света нет. Слушай, а у тебя на корабле солярки нету?

– Нет.

– Жаль. А то у меня генератор сдох. Надо съездить, солярку поискать. Тут артиллерии много понаоставляли. Только поискать надо.

Смотаюсь, подумал Даль. Чего-то он недоброго затевает. Он же меня уже к себе в жильцы прописал. Сумасшедший. Смотрит на меня, как на диковинку какую-то. И есть с его стола я ничего не буду. Чёрт его знает, что там у него на уме. И пошло это вонючее пить не буду.

– Семён, а что – людей здесь больше нет?

– Как нет? Я же есть! – Он выглядел искренне удивлённым. – Смотри. – Он встал из-за стола и открыл большой шкаф в углу комнаты. На верхней полке ютился домашний кинотеатр, а нижняя была до отказа забита компакт-дисками. Старик, как редкую драгоценность, взял один из них. – Смотри. Здесь много людей. Они ходят, разговаривают, живут. Очень интересно наблюдать за ними... Жаль, что света нет. Но ничего, мы завтра же съездим на южную окраину, я там один бронетранспортёр заприметил, у него в баках должна быть солярка. Завтра же...

– Семён, – перебил Даль, – а куда все люди делись, и почему ты остался?

– А не знаю – почему. Дед остался – отец остался. Отец остался – я остался. Просто мне кажется – Родина должна быть у человека, а не – с места на место... Это ведь люди во всём виноваты. Я вот тут часто думал, так единственный вывод напрашивается. Только люди, со своими пещерными желаниями, могли придумать нож – чтобы убивать, бомбу – чтобы взрывать, наркотики... Люди просто не успевают эволюционировать. Мы легко

адаптируемся к окружающей среде – этим нас наградила природа, но вот как добиться эволюции мозгов – этого, кажется, ещё не придумали. Да, я много думал над этим. Наука идёт вперёд, а человек так и остался с пещерными желаниями. А тут, видишь, война кончилась – кругом голод, мор. И, как последняя капля, – знаешь, последняя капля и чаша переполняется – как новогодний Дед Мороз, явился Белов со своей «оболочкой», – чтобы в один миг от звезды к звезде. И вот: тут развалюха, всё строить, всё с начала начинать надо, а там – лети-нехочу – все на готовенькое. Вот все и рванули кто-куда. А почему бы нет? Где тепло, там и родина!

Вот чёрт полоумный! – подумал Даль. – И откуда только такие берутся. Привёл, посадил, овощи положил, в душу нагадил! Нет, прямо сейчас же назад к кораблю, на все засовы – и пусть хоть стучит, хоть кричит, хоть что... Подальше отсюда. И я – лопух – уши развесил. Главное – вроде бы ничего такого не сказал, а всё-таки какой-то осадок остался дурацкий.

– Но ведь ничего в этом нет плохого, – уже в отчаянии чуть не закричал я. – Где хорошо, там и Родина! Что в этом плохого? Ведь звёзд так много!

– Да, звёздам числа нет, – как-то грустно сказал старик, уйдя взглядом в свои воспоминания. Его глаза увлажнились. Но затем он сморгнул и широко улыбнулся.

– Как хорошо, что ты прилетел. Теперь мы заживём по-другому...

Три поросёнка-2

Жили-были три поросёнка: Первый, Второй и Третий. И жили в общем-то хорошо, зажиточно, пока Третий поросёнок не надоумил своих братьев жить свободной жизнью. Сбежали они из свинарника, от людского топора и оказались в лесу, где сначала почувствовали себя даже счастливыми.

Построили себе дома каждый по своему желанию. Первый поросёнок выстроил себе каменный дом, основательный, так, чтоб и ему места хватило, и детям его было где поселиться во время летних каникул (а он был единственный среди поросят семейный). Второй поросёнок ограничился домом из сруба. А Третий и вовсе из прутьев себе шалаш сложил, сел посреди этого шалаша и замер в созерцании да процессе мыслительном.

Так и жили они, поживали. Первый поросёнок пристроил своих детей в один перспективный свинарник. Второй – на печи лежал. А Третий – в созерцании да процессе мыслительном.

И всё было хорошо.

Пока не прибежал на нюх серый волк – лесной бич – и не захотелось ему свининки отведать. Подошёл серый к каменному дому Первого поросёнка да как крикнет голосом человеческим:

– Хана твоей хате! – видать, нахватался замашек у людей.

Первый поросёнок забился в угол, сидит, дрожит от страха, а с улицы снова свирепый голос доносится:

– Хана твоей хате!

И чувствует поросёнок, что стены рушатся. «Ой, – подумал поросёнок, – беда! Цемент крошится, кирпичики падают!»

– Хана твоей хате!

Только и успел поросёнок из-под обломков выскочить. И побежал он к брату своему.

Прибежал ко Второму поросёнку, рассказал ему что да как. А тут и волк – бич лесной – подоспел. Да как закричит серый голосом человеческим во всё своё горло лужёное:

– Хана твоей хате!

Сидят поросята у печки, со страху трясутся. «Ну всё, – думает Первый поросёнок, – мой каменный дом не устоял, а этот и подавно не спасёт».

– Хана твоей хате!

– Ой, ой, – подумал Второй поросёнок, – беда! Пакля сыплется, брусья кривятся!

Выскочили поросята из-под развалин и побежали к своему брату.

Прибежали к Третьему поросёнку, рассказали что да как. Первый поросёнок, недолго думая, завещание сел писать: сыну – кирпичи, дочке – сало. «Наши дома не устояли, – смекнул Второй поросёнок, – а этот шалаш и подавно не спасёт». И тоже уселся завещание составлять: племяннику – сало, племяннице – брусья. Только не знал, как всё это пишется.

Долго хрюкал Третий поросёнок, долго взывал он к братьям вооружиться и дать серому отпор, но те и думать ни о чём не хотели.

А тут и волк – лесной бож – подоспел. Усмехнулся недобро, увидя прутиковый шалашик, да как заорёт:

– Хана твоей хате!

Видит Третий поросёнок, что шалашик его трещит и ломается, и испугался. Но вдруг вспомнил, как в бытность свою в людском свинарнике видел он, как его хозяин с ножом в его сторону идёт, а тут хозяйка ему путь преградила. Встала, ноги широко расставила и сказала: «Абы не так!», – пошлёпывая чугунной сковородкой по ладошке. Хозяин тут же размяк и ушёл ни с чем.

– Хана твоей хате!

– Абы не так! – крикнул Третий поросёнок человеческим языком, и тут же шалаш стал целёхонек, как прежде.

– Хана твоей хате! – пуще прежнего закричал серый.

– Абы не так! – крикнул Третий поросёнок.

Видит волк, что выдержало натиск хилое строенье. Удивился. И сменив тактику, решил бить направленными психологическими ударами непосредственно по врагу. Набрал серый воздуху в грудь побольше:

– Р-р-растудыть твою налево, выходи!

Ноги Третьего поросёнка сами понесли к выходу.

– Абы не так! – зло проговорил он, и снова всё стало на свои места.

– Р-р-растудыть твою направо, выходи!

– Абы не так! – проговорил поросёнок, и тут вспомнилась ему ещё одна фраза, когда хозяин его чего-то там не поделил со своим кумом. А как вспомнил, так и выкрикнул волку.

И вдруг наступила тишина. И только слышны были пение птиц, скрип перьев по бумаге да какие-то непонятные хлопки со стороны, где стоял волк.

Вышли поросята из шалаша и раскрыли рты – настолько ужасающее диво им открылось.

– Хрю, – сказал один поросёнок, что означало: эх его покорило, и глаз ажно на весь зад и моргает. Смотрит.

Хлоп! – моргнул глаз.

– Хрю, – снова спросил поросёнок. – Это ты его так?

– Хрю, – ответил Третий. – Да.

– Хрю? А как? Я это спрашиваю только для того, чтобы в будущем себя обезопасить от всяких... Ну-у, разные там бывают случаи...

И Третий поросёнок, весьма довольный собой, повторил.

Кирилл ВАСИЛЕВСКИЙ

Про трёх придурков и Нурсика

(Первый рассказ из серии)

Гиз, как обычно, вошёл без стука. Кроф и Берг сидели за столом. Точнее говоря, Кроф за столом, а Берг на столе.

– Ну, чего? – заинтересованно спросил Кроф.

Гиз сделал загадочную улыбку, немного послонялся по комнате, наслаждаясь всеобщим вниманием, и спустя полминуты плюхнулся на стул.

Берг сказал:

– Что с тобой сегодня? Ты сам не свой! Сегодня ты не орёшь, не топаешь ногами, не бегаешь, снося всё кругом... Я понял. Ты что-то затеял!

Гиз, спохватившись, наспех совершил все вышеназванные действия, но ситуацию было уже не спасти.

– Выкладывай все от А до Я! – потребовал Кроф.

– Да, и не пропусти случайно от Б до Ю, как было в прошлый раз, – добавил Берг.

– Хорошо, я скажу, – согласился Гиз, – но вслух такие вещи говорить нельзя.

Кроф и Берг наклонились, подставляя уши. Гиз сделал страшные глаза и прошептал:

– Я сегодня видел Нурсика!

– И это всё?!

– Нет. Он чертил мелом везде какие-то знаки.

– И ради этого ты заставляешь нас сгорать от нетерпения целых полминуты?!

– Я скопировал этот знак! – всё тем же таинственным шепотом продолжал Гиз. – Вот он.

С этими словами Гиз протянул Крофу вырванный из блокнота листок с изображением английской буквы F.

– Хм, странно, – промышчал Кроф, – где-то я этот знак уже видел...

Берг заглянул через плечо Крофа в листок, просиял, щелкнул пальцами и сказал:

– А я знаю – где! Точно такой же знак был нарисован мелом на стуле.

– На каком это стуле? – начиная что-то подозревать, спросил Гиз.

– Да на том, на котором ты сейчас сидишь, – сказал Берг, делая лицо слабоумного ангела.

Гиз с воем вскочил и, бормоча что-то невнятно-обидное в адрес Нурсика, начал отряхивать заднюю часть брюк, с недавнего времени маркированную буквой F.

Кроф и Берг покатались со смеху. Через две минуты дружного (на две трети) ржания из-под стола показалась физиономия Крофа, решившего, что пора бы уже приступить к делам.

– Не смешно, – обиженно сказал Гиз.

Берг, борясь со смехом, отчего получалось невнятное хрюканье, тоже поднялся с пола, на который свалился после того, как Гиз в очередной раз опрокинул стол.

– Ну всё, шутки в сторону, пора уже и делом заняться, – сказал Кроф, – итак, что мы имеем?

Берг ответил:

– Нурсик повсюду, включая и вот этот стул, расставил таинственные знаки.

– Ну и что же тут такого?

– А то. Я вам одно скажу, – произнёс Гиз, снова переключаясь на шёпот. – Здесь что-то не так.

– Надо бы разузнать, – промямлил Берг.

– Ну, вы как хотите, а я такой ерундой заниматься не буду – мне некогда, – отказался Кроф.

– И что это у тебя за важные дела? – заинтересовался Гиз.

– Пожрать, – отрезал Кроф.

– Ну что ж, это уважительная причина, – ответил Берг. – Ты тут занимайся своими делами, а мы с Гизом пойдём разузнаем что-нибудь.

– Ладно.

Гиз пинком отворил дверь, на внешней стороне которой было написано «от себя». Впрочем, «от себя» было написано и на внутренней стороне двери, но сути дела это не меняло. Гиз и Берг вышли в эту самую дверь и увидели на другой стороне Нурсика, болтающего с кем-то незнакомым.

– Пойдем, накрутим ему хвост, – рванулся Гиз, – он мне брюки испачкал, свинтус.

– Постой! – остановил его Берг, хватая за низ часть тела, которую Гиз собирался накрутить Нурсику, и упираясь пятками. – Видишь, он закончил разговор, его собеседник направляется дальше по улице, – обрабатываем сначала его.

– По комбинации четыре – два, – добавил Гиз. (В действительности, никакой комбинации четыре-два ни Берг, ни Гиз не знали, а знали одну-единственную, в целях конспирации по-разному называли).

Они подошли к знакомому Нурсика с двух сторон и вдруг начали кричать ему по очереди то в одно, то в другое ухо:

– Почём кило кукарямбы?!

– Какова высота пирамиды Хеопса?!

– Сколько хрумичков в семи фараонах?!

– Сколько тонн железа содержится в тонне моркови?!

– Кто обидел кролика Роджера?!

И т.д., и т.п.

Где-то на восемнадцатом глупом вопросе бедняга сдался.

– Что вам от меня нужно?! – заорал он, устав дёргать голову то влево, то вправо.

– Зачем Нурсик ставит мелом таинственные знаки? – наконец спросил Берг.

– Спросите у него самого, – ответил незнакомец, – вот он идёт.

Гиз и Берг разом повернули головы направо, а незнакомец растолкал их локтями и убежал.

– Ничё не понимаю, – тихо выдал Берг коронную фразу братьев Колобков.

Тем временем Нурсик действительно приближался.

Когда Нурсик подошёл к ним, Гиз внимательно посмотрел на него и спросил грустным голосом:

– Нурсик, зачем ты это делаешь?..

Нурсик взвизгнул, подскочил и умчался каким-то особым аллюром.

– Ну и что теперь? – спросил окончательно сбитый с толку Берг.

– А теперь нам ничего не остается, кроме как возвратиться с пустыми руками.

Так они и сделали.

А когда они вернулись, их ждал сюрприз. В комнате, связанный по всем четырем рукам и ногам, с заклеенным скотчем ртом, на стуле сидел (а, вернее был привязан к стулу) Нурсик и дрожал от страха. Напротив него сидел Кроф и дрожал от ужаса.

Спустя полчаса Бергу и Гизу наконец удалось вытянуть из него несколько членораздельных слов:

– Представляете, вышел я в магазин, возвращаюсь, а здесь сидит этот хмырь и докладывает вот по этому прибору что-то, связанное с нами, нашей расой и нашей планетой. Причем что-то глобальное.

– То есть ты хочешь сказать, что он засланец? – глубокомысленно протянул Гиз.

– Может быть, для начала рассмотрим устройство связи? – предложил Гиз. Устройство рассмотрели. На вид оно казалось пустой консервной банкой, каковой, собственно, и являлось.

Берг отлепил ото рта Нурсика скотч и спросил:

– Ну и как ты это объяснишь?

– Объясню, что вы попались на мой прикол, – Нурсик попробовал сделать классический «йес» локтем и коленом, но это не получилось, ввиду того, что ни локоть, ни колено у Нурсика свободны не были.

– А какие у тебя доказательства, что ты не засланец? – буркнул Кроф.

– Ну посмотрите на меня! У меня же всё как у обычных людей: две руки, две ноги, одна голова... один хвост...

– Мда... весомый аргумент, – подытожил Гиз, – нам остается только отпустить его.

Они сообща развязали Нурсика, и тот затребовал мел. Мел ему сначала не отдали. Потом сжалились и отдали. Кончилось всё это тем, что Нурсик ушёл с мелом в кармане и буквой F на пятой точке. Ведь предусмотрительный Кроф связывал его именно на том стуле...

ТПРУНЯ

Поэма об умирающем попугае

(Из космических озарений)

Жил-был попугай. И было у него три сына.

И однажды, в дождливый, хмурый день, старший его сын решил отправиться чёрт знает куда, чёрт знает зачем. Место это находилось довольно далеко от дома попугая, да и вещь, за которой он отправлялся, была довольно тяжела, поэтому попугай решил захватить с собой любимых братьев. Так он и сделал. Недолго думая, братья собрались, взяли всё необходимое и отправились в долгий, трудный и опасный путь.

Им пришлось преодолеть множество препятствий в виде: гор, лесов, полей, морей и рек. И наконец, в один будничнейший день, ничем не примечательный день, старший брат заболел и сдох, как собака под забором, а младшие братья вернулись домой и зажили лучше прежнего, так как некому было больше издеваться над ними. Но вскоре против них было возбуждено дело по подозрению в предумышленном убийстве их старшего брата, которое тянулось три года и было прекращено за недостатком улик, так как братья-попугайчики были не глупы и умели прятать концы в воду.

И как говорится: сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок.

Содержание

Валерий КОЛОТВИН	
Встреча	3
Евгений ГРЕП	
Два бала из романа «Игла богини»	
Бал у мадам Гинопль	6
Бал во время войны.....	13
Константин ЕГОРОВ	
Как Адам Еву нашёл	19
Сергей ЕРОФЕЕВ	
Вопросы по существу.....	21
Сергей ЗАГНУХИН	
Невеста Кутха	23
Есть многое на свете.....	25
Юрий СОКОЛОВ	
Смена времён власти.....	31
Дмитрий СЕМЕНОВ	
Дизайнер по драконам	34
Александр ФЕДОРОВ	
Домовой.....	40
Время выбирать	42
Владимир Краснопеев	
Ришикеш.....	44
Евгений ГРИГОРЬЕВ	
Звёздам числа нет	47
Три поросёнка-2.....	50
Кирилл ВАСИЛЕВСКИЙ	
Про трёх придурков и Нурсика	52
ТПРУНЯ	
Поэма об умирающем попугае.....	55

На первой стр. обл. – рисунок Светланы Кротовой (Нижний Новгород)
«Улетающие воспоминания»

Тираж – 50 экз.